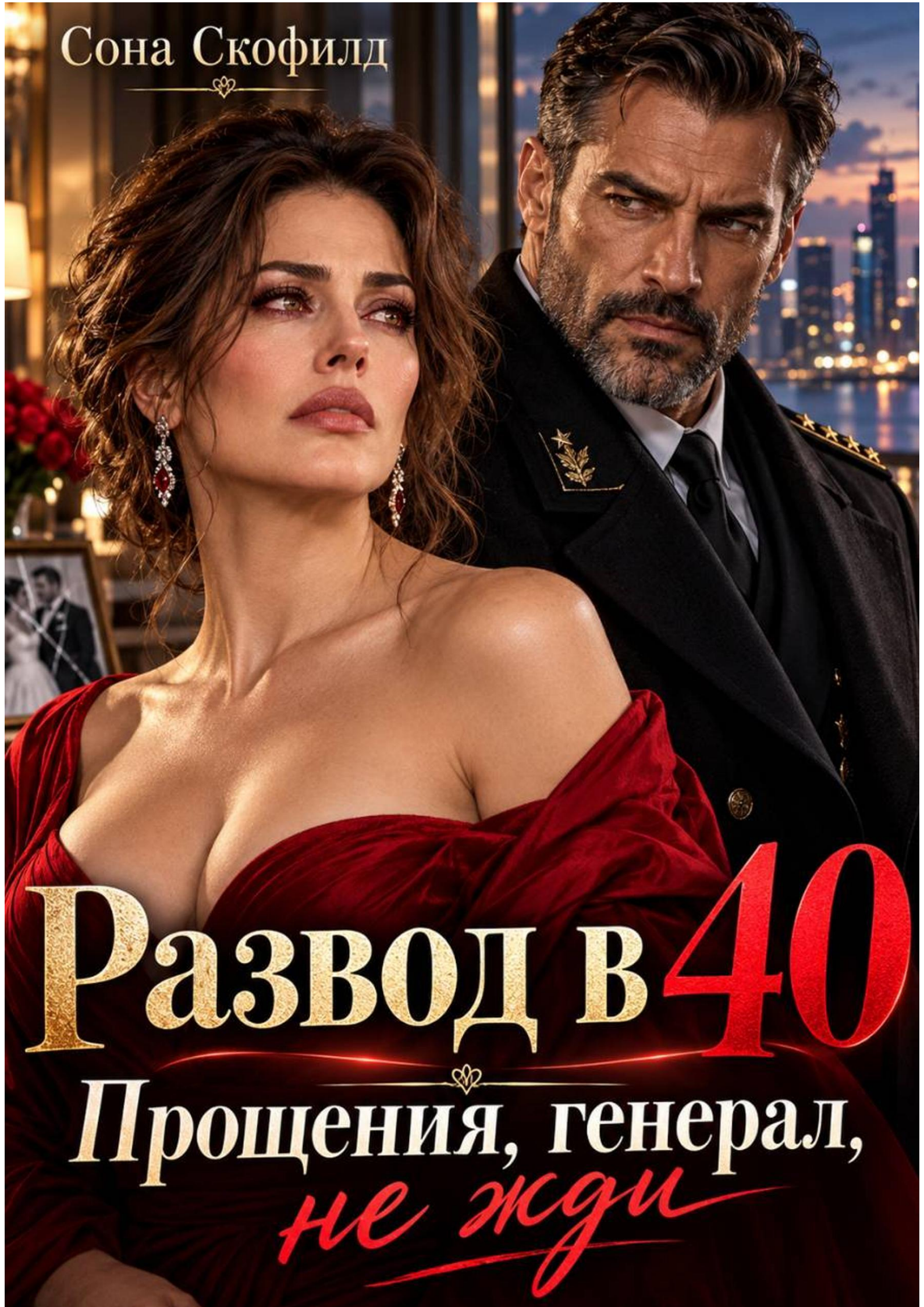

Сона Скофилд

Развод в 40

Прощения, генерал,
не жди

Сона Скофилд

**Развод в 40. Прощения,
генерал, не жди**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Развод в 40. Прощения, генерал, не жди / С. Скофилд —
«Автор», 2026

«Марк со мной. После занятия заедем поужинать», — пишет муж. Только наш четырнадцатилетний сын стоит передо мной на кухне. — Мам, я больше не хочу тебе врать. Мне сорок. Семнадцать лет я была женой генерала Громова. А теперь узнала, что у него давно есть любовница. И самое страшное — он заставил нашего сына прикрывать свои встречи с ней, внушив мальчику, что правда разрушит семью. Генерал уверен: достаточно дорогого подарка, денег и нескольких красивых обещаний, чтобы я все простила. Но я подаю на развод. Впервые за много лет я учусь жить для себя. А потом в моей жизни появляется другой мужчина. Мужественный, внимательный, опасно привлекательный. И, как назло, он отец лучшего друга моего сына. Теперь бывший муж требует вернуться. Говорит, что все осознал и любит только меня. Только генерал не учел одного. Я больше не та женщина, которая будет ждать, пока он решит, кого выбрать. Поздно, генерал. Прощения не жди.

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Он написал, что ты с ним	5
Глава 2. Сын тебе не прикрытие	25
Глава 3. Ничего не случилось — так он сказал	48
Глава 4. Не надо меня жалеть	68
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сона Скофилд

Развод в 40. Прощения, генерал, не жди

Глава 1. Он написал, что ты с ним

Сообщение от мужа пришло в 19:14.

«Марк со мной. После занятия заедем поужинать».

Я прочитала его дважды, потому что в это самое время Марк стоял у нашего холодильника, ел сыр прямо из упаковки и смотрел на меня так, словно ждал, когда я замечу что-нибудь важное.

— Папа пишет, что ты с ним, — сказала я.

Сын перестал жевать.

— Ну, я же здесь.

— Это я вижу. Вы разъехались?

— Нет.

Я отложила телефон.

— В смысле?

Марк положил сыр обратно, хотя только что собирался отрезать еще кусок. На нем была серая толстовка с растянутыми манжетами, на плече болтался рюкзак. Волосы после дождя торчали в разные стороны.

Он пришел минут десять назад. Бросил обувь у двери, за что обычно получал замечание, спросил, есть ли что-нибудь поесть, и принялся бродить по кухне.

Ничего необычного. Кроме того, что сегодня его должен был забрать отец.

— Марк, папа заезжал за тобой после робототехники?

— Нет.

— Ты ему звонил?

— Нет.

— А он тебе?

Сын посмотрел на экран своего телефона, лежавшего на столе.

— Мам, можно я сначала поем?

Я почувствовала раздражение. Не на него. На эту странную беседу, в которой простые вопросы почему-то не получали простых ответов.

— Конечно. Я же спрашивала, будешь ли ты ужинать.

— Ты сказала, что мы с папой едим в городе.

— Потому что папа так сказал.

— Ну вот.

Он достал из холодильника контейнер с котлетами.

Я смотрела, как он ищет чистую тарелку, открывает микроволновку, нажимает не ту кнопку и начинает все сначала.

Марк всегда плохо переносил разговоры, которые ему не нравились. Обычно он делал вид, что очень занят: чинил наушники, разбирал зарядное устройство, искал какую-нибудь деталь для своего робота. Но сейчас его нервозность была другой.

Он не пытался сбежать.

Он словно собирался что-то сказать и не знал, с чего начать.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего.

— Ты с отцом поспорил?

— Нет.

— Тогда объясни мне, почему он пишет, что вы вместе.

Марк вынул тарелку из микроволновки. Поставил на стол, но не сел.

— Я не знаю, где он сейчас.

— А где должен быть?

Сын на секунду закрыл глаза, потом придвинул стул и сел напротив меня.

— Мам, я больше не хочу тебе врать.

До отправки перевода оставалось меньше часа.

На экране ноутбука была открыта инструкция к оборудованию для промышленной вентиляции. В письме заказчика три раза повторялось слово «срочно», хотя документы он прислал только вчера вечером.

Я работала переводчиком двенадцать лет и давно знала: чем чаще человек пишет «срочно», тем выше вероятность, что сам он забыл о своих сроках.

Обычно я умела заниматься несколькими делами одновременно. Проверять терминологию, следить за ужином, отвечать на школьные сообщения и слушать, как Марк рассказывает о новом проекте.

Сейчас я не могла даже вспомнить, сохранила ли последний исправленный файл.

— О чем ты мне врал? — спросила я.

Марк сдвинул тарелку к краю стола.

— Не только сегодня.

— Хорошо. А когда?

— Ну, когда папа меня забирал.

— Что значит «когда забирал»?

— Мам, только не начинай сразу.

Мне захотелось сказать, что я еще ничего не начинала. Что он сам заговорил и теперь вынуждает меня вытягивать каждое слово.

Но Марк смотрел на меня с таким напряжением, что я удержалась.

— Я слушаю.

Он провел ладонью по волосам.

— Иногда он говорил тебе, что мы вместе.

— И?

— А мы не были.

Я ждала продолжения.

— Я был у Ильи. Или дома у себя, когда тебя не было. Один раз просто гулял.

— А папа?

Марк опустил голову.

— У него были дела.

— Какие?

— Не знаю.

Он ответил слишком быстро.

Я это услышала. Он тоже понял, что я услышала.

— Марк.

— Я правда не знаю всего.

— А что знаешь?

Сын взял вилку, повертел ее и положил обратно.

— Там женщина одна.

Пару секунд я смотрела на него, пытаюсь понять, что именно он сказал.

Женщина. Он не назвал ее ни знакомой, ни коллегой — и я сразу испугалась того, что могу услышать дальше.

— Какая женщина?

— Я не знаю, как ее зовут.

— Ты ее видел?

Он кивнул.

— Когда?

— Пару раз.

— Где?

— Мам...

— Марк, я должна понимать, о чем мы разговариваем.

Он отодвинул тарелку.

— Папа сказал, что ты в курсе.

Я не сразу нашла ответ.

— В курсе чего?

— Ну... того, что у вас сейчас все сложно.

— У нас с папой?

— Да.

Я молчала.

Марк поднял глаза.

— Он сказал, что вы сами разберетесь. Что мне лучше не лезть. И что ты примерно все понимаешь.

Слово «примерно» мне особенно не понравилось.

— А зачем тогда было говорить неправду, если я все понимаю?

— Я тоже спрашивал.

— И что папа ответил?

Марк пожал плечами.

— Что взрослые иногда так делают, чтобы никому не было хуже.

В этот момент мне захотелось позвонить Вадиму и задать ему несколько вопросов. Очень конкретных. Таких, на которые невозможно ответить привычным «Таня, не устраивай».

Но сын сидел напротив.

Ему было четырнадцать лет. Еще недавно он просил меня остаться рядом, если вечером не мог уснуть после страшного фильма. Теперь почти догнал меня ростом и раздражался, когда я пыталась поправить ему воротник.

В последние месяцы он все чаще закрывал дверь в свою комнату.

Я думала, возраст.

Наверное, отчасти так и было.

— Давно это происходит? — спросила я.

— Что?

— Папа просит тебя говорить, что вы вместе.

— Не знаю. Несколько раз.

— Марк.

— Я не считал!

Он повысил голос, а потом сразу сжался.

— Извини.

Я убрала руки со стола. Только сейчас заметила, что сжимала их так сильно, что ногти оставили следы на ладонях.

— Послушай меня, — сказала я. — Я сейчас очень злюсь. Но не на тебя.

Он не выглядел убежденным.

— Ты все равно расстроилась.

— Да. И мне понадобится время, чтобы разобраться.

— Папа говорил...

Марк замолчал.

— Что?

— Ничего.

Я подождала.

— Он говорил, что если ты узнаешь раньше времени, то все испортишь.

Мне пришлось переспросить:

— Я испорчу?

— Он не так сказал.

— А как?

— Что ты можешь психануть. И потом все будет по-другому.

Я смотрела на своего сына и пыталась представить, как Вадим произносил эти слова.

Наверняка спокойно.

Он умел говорить так, что даже совершенно нелепая мысль звучала разумной. Особенно если собеседник был моложе, неопытнее или привык ему доверять.

Марк очень доверял отцу.

Когда ему исполнилось десять, Вадим подарил ему настоящий набор инструментов. Не игрушечный, а хороший, в металлическом чемоданчике. Они вместе чинили старый велосипед, меняли цепь и спорили, какие винты нужно использовать.

Марк потом всем рассказывал, что папа доверяет ему взрослую работу.

Теперь отец доверил ему взрослую ложь.

— Ты не должен был в этом участвовать, — сказала я.

Сын отвернулся.

— Я знаю.

— Нет, Марк. Я не обвиняю тебя. Я говорю, что папа не должен был тебя об этом просить.

— Я мог просто отказаться.

— Мог.

Мне хотелось сказать, что он маленький и не понимает. Но Марк терпеть не мог, когда я называла его маленьким.

И он действительно многое понимал.

Просто не обязан был решать проблемы нашего брака.

— Ты отказался сегодня? — спросила я.

Он кивнул.

— Почему?

— Надоело.

— Что именно?

— Все.

Марк заговорил быстрее:

— Мне каждый раз надо помнить, что я тебе сказал. И если ты потом спрашиваешь, где мы были, я должен что-то придумывать. А если папа рассказывает одно, а я другое...

Он сердито выдохнул.

— В общем, достало.

Я не стала поправлять его речь.

— Ты правильно сделал, что пришел домой.

— Только папе не говори, что я тебе рассказал.

Это была первая просьба, на которую я не знала, как ответить.

— Я не собираюсь пересказывать ему наш разговор, — сказала я наконец. — Но поговорить с ним мне придется.

Марк потер лоб ладонью.

— Он разозлится.

— Возможно.

— На меня.

— Я не позволю ему сделать тебя виноватым.

Я постаралась произнести это уверенно.

Сын встал, взял свою тарелку и пошел к раковине.

— Я не хочу есть.

— Хорошо. Потом разогреешь.

Он остановился в дверях.

— Мам?

— Да?

— Ты теперь с папой разведешься?

До этого мгновения слово «развод» даже не приходило мне в голову.

Не потому, что измена не могла привести к нему. Просто еще двадцать минут назад я выбирала, какую зелень добавить в салат, и думала о работе.

У меня не было времени представить новую жизнь.

— Я пока ничего не решила, — ответила я.

Марк кивнул.

Мне показалось, он одновременно испытал облегчение и разочарование.

— Иди переоденься, — добавила я. — Толстовка мокрая.

На этот раз он не стал спорить.

Когда сын ушел, я взяла телефон.

Сообщение Вадима все еще висело на экране.

«Марк со мной. После занятия заедем поужинать».

Простая фраза.

Я вдруг вспомнила, сколько раз получала похожие.

«Забрал Марка».

«Мы задержимся».

«Поели в городе».

«Не жди нас».

Обычно я отвечала что-то вроде «Хорошо» или «Только не очень поздно».

Мне казалось приятным, что отец и сын проводят время вместе. У Вадима всегда было много работы, а после отставки я надеялась, что наконец-то у них появится больше общих дел.

Два года назад муж завершил военную службу. У него были планы, встречи, какие-то консультации со старыми знакомыми, но главное — больше не требовалось в любой момент уезжать на несколько недель.

Первые месяцы я была счастлива.

Мы даже собирались съездить вдвоем в Калининград. Не по делам и не к родственникам. Просто погулять, посмотреть город и провести несколько дней без расписания.

Поездку переносили три раза.

Вадим всегда находил причину.

Сначала его попросили присутствовать на мероприятии. Потом возникли дела у знакомого. Потом он сказал, что сейчас не лучший момент тратить деньги на гостиницы, хотя финансовых трудностей у нас не было.

Я перестала предлагать.

Наверное, это тоже было одним из маленьких решений, которые за годы стали привычкой.

Я открыла список вызовов и нажала на его имя.

Один гудок.

Второй.

Третий.

Вадим ответил только после четвертого.

— Таня, я же написал, что мы поужинаем.

Голос был обычным. Немного усталым.

Так он говорил, когда считал, что его отвлекают по пустякам.

— Где Марк?

— Со мной. А что?

Я посмотрела на тарелку сына, оставленную возле раковины.

— Рядом с тобой?

— Таня, что за допрос? Мы сейчас заняты.

— Чем?

— Едим.

Мне захотелось попросить мужа передать сыну телефон.

Просто чтобы услышать, как он выкрутится.

Но я уже знала, что Вадим лжет. И не хотела превращать это в проверку на сообразительность.

— Марк дома, — сказала я.

На другом конце стало тихо.

Я услышала какой-то негромкий звук, будто Вадим прикрыл рукой микрофон.

— Что значит дома?

— Сам пришел. Больше получаса назад.

— Почему он не позвонил?

Вопрос был настолько неожиданным, что я даже растерялась.

— Кому?

— Мне, естественно. Мы договаривались...

Он не договорил.

— О чем вы договаривались, Вадим?

— Таня, я сейчас не могу подробно разговаривать.

— Где ты?

— В городе.

— Это я понимаю.

— Значит, поговорим дома.

— Когда?

— Позже.

Я посмотрела на часы. Было без двадцати восемь.

— Приезжай сейчас.

— У меня встреча.

— Ты только что сказал, что ужинаешь с Марком.

Снова тишина.

— Я объясню.

— Именно этого я и жду.

— Не надо устраивать сцен по телефону.

Я закрыла глаза.

Эту фразу я слышала много раз.

Когда мне не нравилось, что он обещал приехать и не приезжал.

Когда я просила предупредить о гостях хотя бы за день.

Когда говорила, что не смогу сопровождать его на очередной ужин, потому что у меня рабочий срок.

«Не устраивай».

«Не начинай».

«Поговорим, когда успокоишься».

Раньше после таких слов я обычно старалась говорить тише.

Теперь я и без того говорила тихо.

— Я не устраиваю сцену. Я прошу тебя приехать домой и объяснить, почему наш сын должен врать за тебя.

— Что он тебе наговорил?

Я открыла глаза.

Вот теперь голос мужа изменился.

Исчезла скучающая усталость. Он стал собранным и резким.

— Не втягивай в это Марка, — сказала я.

— Ты сама начала о нем спрашивать.

— Вадим, я задала тебе простой вопрос.

— Мальчишка мог неправильно понять.

— Что именно?

— Таня!

Он сказал мое имя так, словно я намеренно мешала ему закончить важное совещание.

— Я приеду. Через час.

— Хорошо.

— И не надо пока разговаривать с сыном.

— А это я решу сама.

Он шумно выдохнул.

— Только прошу тебя, без истерик.

Связь оборвалась.

Я еще несколько секунд держала телефон у уха.

Потом положила его на стол.

Мне было сорок лет.

Семнадцать из них я прожила в браке с Вадимом Громовым.

Я знала, что он терпеть не может, когда ему задают один и тот же вопрос дважды. Знала, что по утрам ему нужен крепкий кофе без сахара. Что во время телефонных разговоров он ходит из комнаты в комнату, даже если связь прекрасная. Что при сильной усталости у него начинает болеть правое колено.

И только сегодня узнала, что он способен спокойно сказать мне: «Марк со мной», когда прекрасно знает, что это неправда.

Я села за ноутбук.

На экране по-прежнему была таблица с переводом.

Я попыталась продолжить работу, но, прочитав абзац, вернулась к началу и снова проверила термин, которым уже занималась утром.

В письме заказчика стояло время отправки: до 20:00.

Если я сейчас не закончу, придется писать объяснения и просить отсрочку.

Я набрала две строки, посмотрела на них и поняла, что перевела совершенно не тот фрагмент.

Удалять пришлось все.

В комнате было тихо.

Из коридора доносился шум воды: Марк принимал душ.

Я встала, закрыла дверь кухни и снова села работать.

Мне хотелось плакать, кричать, открыть переписку с мужем за последний год и найти там все моменты, когда он меня обманывал.

Но сейчас это ничего бы не изменило.

Я предупредила заказчика о задержке на полчаса, поставила перед собой стакан воды и заставила себя закончить страницу.

Потом следующую.

К половине девятого перевод был отправлен.

Я не помнила, когда в последний раз так тщательно проверяла файл перед отправкой.

Отправив письмо, я закрыла ноутбук.

До возвращения мужа оставалось неизвестно сколько.

В нашей квартире было четыре комнаты, и раньше мне казалось, что для троих это даже слишком много.

У Марка была своя.

У Вадима — кабинет.

Последняя служила гостиной, а несколько раз в год — еще и гостевой спальней.

Я работала за небольшим столом возле окна в спальне.

Когда-то мы собирались сделать для меня отдельное рабочее место. Потом мужу понадобился кабинет, потому что ему было неудобно разбирать документы в гостиной. В гостиную поставили раскладной диван и шкаф, который Вадим не хотел выбрасывать.

Мой стол так и остался в спальне.

Я не считала это проблемой.

Вообще многое не считала проблемой.

Пока речь не заходила о серьезных вещах.

Я прошла мимо кабинета мужа.

Дверь была приоткрыта.

Внутри горела маленькая настольная лампа, которую Вадим никогда не выключал полностью. На столе стояли две фотографии: он в форме на каком-то официальном мероприятии и мы втроем на море, когда Марку было девять.

На второй фотографии сын сидел у него на плечах и смеялся.

Я помнила тот отпуск.

Мы тогда сняли небольшие апартаменты недалеко от пляжа. Вадим вставал раньше всех, ходил за фруктами, приносил мне кофе и каждый день спорил с Марком, кто первым добежит до воды.

Вечером мы играли в карты.

Один раз сын так увлекся, что проиграл почти все свои условные деньги и потребовал пересмотреть правила.

Вадим смеялся.

Он умел быть хорошим отцом.

И хорошим мужем тоже.

По крайней мере, раньше.

Мне не хотелось сейчас перебирать все наши счастливые годы и искать, когда именно он перестал меня любить.

Это был бы слишком простой способ объяснить происходящее.

Возможно, никакого одного момента и не существовало.

Я выключила лампу.

В коридоре появился Марк. Он уже переоделся в домашнюю футболку и спортивные штаны.

— Мам, ты чего здесь?

— Свет выключала.

Он посмотрел в кабинет.

— Папа скоро?

— Сказал, что через час.

— А сколько уже прошло?

— Около часа.

— Понятно.

Марк потоптался возле двери.

— Ты ему сказала?

— Что именно?

— Что я рассказал.

Я покачала головой.

— Я сказала, что ты дома и что мне нужно с ним поговорить.

— Он понял.

— Наверное.

Сын помолчал.

— Он меня теперь на выходные не возьмет.

Я внимательно посмотрела на него.

— Почему?

— Разозлится.

— Марк, если вы договорились провести выходные вместе, вы можете их провести. Наш разговор с папой этому не мешает.

— Ты же сама понимаешь.

— Я понимаю, что ты переживаешь. Но я не могу отвечать за решения папы.

Он прислонился к дверному косяку.

— Он говорит, что между вами давно все не очень.

У меня появилось неприятное желание немедленно объяснить сыну, как все было на самом деле.

Что еще на прошлой неделе его отец спрашивал, какие продукты купить к выходным.

Что мы обсуждали осенние каникулы.

Что по воскресеньям он просил меня потереть ему спину после тренировки, а по вечерам спокойно ложился рядом со мной.

Что всего три дня назад я гладила ему рубашку для встречи, и он поцеловал меня в висок, поблагодарив.

Но Марк не должен был узнавать подробности нашего брака только потому, что взрослые не сумели разобраться между собой.

— У нас были сложности, — сказала я. — Как у многих людей.

— Ну вот.

— Но я не знала того, что ты сегодня рассказал.

Он нахмурился.

— Папа сказал, вы сами потом решите, как будет дальше.

— Марк, я не собираюсь сейчас спорить с тем, что он тебе говорил.

— А что ты собираешься?

Я присела на край дивана в гостиной.

— Сначала поговорить с ним. Потом разобраться, что происходит.

Сын сел в кресло напротив.

— А мне что делать?
Вопрос прозвучал тихо.
Я почувствовала, насколько он устал.
Не сегодня. За все то время, пока носил в себе чужую тайну.
— Тебе? — переспросила я. — Сейчас нормально поужинать. Потом доделать уроки, если осталось что-то на завтра.
— Мам, я серьезно.
— Я тоже.
Он покачал головой.
— Ты не понимаешь.
— Тогда объясни.
Марк долго смотрел в пол.
— Если вы поссоритесь из-за меня...
Я перебила его:
— Мы не поссоримся из-за тебя.
— Но если бы я не сказал...
— Марк. Посмотри на меня.
Он поднял глаза.
— Если бы ты сегодня промолчал, это не означало бы, что у нас с папой все хорошо. Это означало бы только, что я продолжала бы чего-то не знать.
— И что, стало бы хуже?
— Для меня? Возможно. Но это все равно были бы наши с папой отношения, а не твои.
Он не ответил.
— Ты не обязан хранить чужие секреты, если из-за них тебе плохо.
Марк потер пальцами край футболки.
— А если папа попросит не рассказывать тебе о чем-то еще?
Мне понадобилось несколько секунд, чтобы подобрать слова.
— Ты можешь сказать ему, что не хочешь участвовать в таком. И можешь прийти ко мне, даже если боишься, что я расстроюсь.
— Ты уже расстроилась.
— Да. Но я не хочу, чтобы ты меня защищал от правды.
Он задумался.
Потом неожиданно спросил:
— А если вы разведетесь, мне придется выбирать, с кем жить?
Я сжала пальцы на коленях.
Вот к чему он пришел за эти несколько недель.
Не к тому, что отец поступил неправильно.
Не к тому, что мать может обидеться.
К вопросу, кого из нас ему придется потерять.
— Мы еще ничего не решили, — сказала я. — И я не буду заставлять тебя выбирать между мной и папой.
— Он тоже так сказал.
— Хорошо, если он это понимает.
Марк посмотрел на меня с недоверием.
— Вы оба сейчас говорите одинаково.
Я не удержалась от короткой, совсем невеселой улыбки.
— Потому что мы оба твои родители.
Он поднялся.
— Я все-таки поем.

— Котлеты остались в кухне.

— Я видел.

— Разогрей нормально, а не сорок секунд.

— Мам!

— Что?

— Я уже не маленький.

— Именно поэтому можешь сам прочитать инструкцию на микроволновке.

Он фыркнул и ушел.

Я посидела еще немного.

Потом услышала, как в кухне заработала микроволновка.

Обычный вечер: сын ест, на телефоне мигает уведомление от заказчика, в ванной сохнет полотенце.

И где-то в городе мой муж находится рядом с женщиной, о существовании которой я еще утром ничего не знала.

Вадим приехал в 21:26.

Я услышала сначала сигнал домофона: он снова забыл пульт от ворот и попросил консьержа открыть въезд. Потом несколько минут спустя повернулся ключ в замке.

Марк был у себя.

Я сидела на кухне и пила давно остывший чай.

Вадим вошел с большим пакетом из супермаркета.

— Ты не спишь? — спросил он, заглянув в кухню.

Как будто мы просто не совпали по времени ужина.

На нем были темные брюки и светлая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей. Волосы аккуратно уложены, на запястье часы, которые он надевал на встречи.

Он положил пакет на стол.

— Заехал за продуктами. У нас хлеб закончился.

Я посмотрела внутрь.

Хлеб, минеральная вода, упаковка кофе и две пачки печенья, которое любил Марк.

Такие покупки Вадим делал часто.

Он никогда не любил возвращаться с пустыми руками, особенно если задерживался.

Раньше мне это нравилось.

Сейчас пакет выглядел нелепо.

— Ты обещал приехать через час, — сказала я.

— Дороги.

— Прошло почти два.

— Таня, давай не будем начинать с этого.

Он снял часы и положил рядом с пакетом.

Потом потянулся к шкафчику за стаканом.

Я молчала.

Вадим налил воды.

— Где Марк?

— В своей комнате.

— Позови его.

— Зачем?

— Хочу узнать, что у него сегодня произошло.

Я почувствовала, как напряглись плечи.

— У него ничего не произошло.

— Тогда почему он решил устроить нам неприятности?

Я медленно поставила чашку.

— Какие неприятности?

— Ты прекрасно понимаешь.

— Нет, Вадим. Мне кажется, это ты устроил неприятности. И сейчас собираешься спросить у сына, почему он их не скрыл.

Муж посмотрел на меня с удивлением.

— Таня, не надо передергивать.

— Я ничего не передергиваю. Ты сказал мне, что Марк с тобой. Марк пришел домой один. Ты подтвердил по телефону, что он находится рядом.

— Я же сказал, что объясню.

— Так объясни.

Вадим оперся ладонями о край столешницы.

— Во-первых, я не собираюсь обсуждать это в таком тоне.

— Каким тоном?

— Ты прекрасно знаешь.

Я посмотрела ему в лицо.

У Вадима была привычка слегка приподнимать брови, когда он считал собеседника несерьезным. Обычно после этого люди начинали оправдываться.

Я тоже.

Сколько раз я говорила: «Извини, я просто устала», хотя еще минуту назад была уверена, что задаю справедливый вопрос.

Сейчас я не извинилась.

— Хорошо. Давай попробуем спокойно. Где ты был сегодня вечером?

— На встрече.

— С кем?

— С человеком по делу.

— По какому делу?

Он отпил воду.

— Таня, тебе обязательно знать все подробности?

— Сегодня — да.

— Почему?

— Потому что ты использовал нашего сына, чтобы скрыть эту встречу.

Вадим поставил стакан слишком резко.

Вода расплескалась на столешницу.

— Не использовал я никого.

— Тогда почему Марк говорил мне, что вы вместе?

— Мальчишка мог что-то не понять.

— Несколько раз?

Муж замолчал.

Я достала бумажное полотенце и вытерла воду.

Это движение показалось мне странным.

Мы вели разговор, который мог закончить наш брак, а я по привычке убирала за ним со стола.

Вадим дождался, пока я выброшу полотенце.

— Что конкретно он тебе рассказал?

— Почему ты так настойчиво хочешь это знать?

— Потому что я его отец.

— Тогда разговаривай со мной как отец, а не как человек, которого поймали на лжи.

— Меня никто ни на чем не ловил.

Я взяла телефон и повернула к нему экран.

Его сообщение все еще было открыто.

Вадим посмотрел на него.

— И что?

— «Марк со мной». Твои слова.

— Да, я написал.

— Но Марк был дома.

— Значит, планы изменились.

— Когда?

— Что когда?

— Когда изменились планы? До того, как ты написал, или после?

Вадим провел ладонью по подбородку.

— Господи, Таня.

— Ответь.

— Мы договаривались встретиться. Потом у меня возникли обстоятельства.

— Какие?

— Личные.

Я почувствовала, что больше не хочу участвовать в этой игре.

Он не отвечал на вопросы. Он проверял, насколько долго сможет не отвечать, пока я не устану.

— Ты был с женщиной? — спросила я.

Вадим перестал двигаться.

Не вздрогнул, не отвел взгляд.

Просто застыл на мгновение.

Этого хватило.

— Кто тебе это сказал?

Я медленно выдохнула.

— Значит, был.

— Я спросил, кто тебе это сказал.

— Какая разница?

— Большая.

— Почему?

— Потому что я хочу понимать, кто вмешивается в нашу семью.

Я не сразу поверила, что он произнес это всерьез.

— Вмешивается?

— Да.

— Вадим, ты встречался с другой женщиной и просил нашего сына скрывать это от меня.

Кто из нас двоих вмешивается в семью?

Он отступил от стола.

— Ты сейчас делаешь выводы, не зная обстоятельств.

— Тогда расскажи обстоятельства.

Муж отвернулся к окну.

За стеклом были видны мокрая улица, фонари и редкие машины. Обычно Вадим любил стоять здесь по вечерам, когда разговаривал по телефону.

Он и сейчас выглядел так, будто хотел закончить беседу и выйти на балкон.

— У нас с тобой давно проблемы, — сказал он наконец.

Я смотрела на его спину.

— Какие?

— Не притворяйся, что не замечала.

— Я не притворяюсь. Я спрашиваю, какие именно.

Он повернулся.

— Мы живем рядом, но почти не разговариваем.

— Мы разговаривали сегодня утром.

— Я не об этом.

— О чем тогда?

— О нас.

Я вспомнила утро.

Вадим встал около семи. Я приготовила кофе, потому что все равно уже проснулась. Он жаловался на плечо после тренировки, а я сказала, что ему стоит записаться к врачу, а не ждать, пока пройдет само.

Мы обсудили, кто заберет Марка.

Потом он попросил меня посмотреть, нет ли у него пятна на рубашке.

И перед уходом обнял меня за талию так, как обнимал все эти годы. Тогда я не почувствовала, что между нами что-то изменилось.

— Когда ты решил, что мы не разговариваем? — спросила я. — Сегодня утром или раньше?

— Таня, я пытаюсь объяснить.

— Тогда объясняй.

— Ты все сводишь к бытовым мелочам. А я говорю о том, что между нами давно нет прежнего.

— Чего именно нет?

Вадим раздраженно развел руками.

— Близости. Понимания. Неужели нужно раскладывать все по пунктам?

Я почувствовала, что начинаю злиться сильнее.

Не из-за слова «близость».

Из-за того, с какой легкостью он предъявлял мне обвинение, будто мы уже много раз это обсуждали и теперь я просто отказывалась признать очевидное.

— Нужно, — сказала я. — Потому что ты ни разу не говорил мне, что хочешь уйти.

— Я не сказал, что хочу уйти.

Я замолчала.

Эта фраза прозвучала так неожиданно, что несколько секунд я пыталась понять ее смысл.

— Подожди. Ты сейчас утверждаешь, что не собираешься уходить?

— Я говорю, что не нужно спешить.

— С чем?

— С решениями, о которых потом пожалеешь.

Он говорил спокойно.

Уверенно.

Так, будто я уже совершила какую-то серьезную ошибку, а он великодушно давал мне возможность ее исправить.

— Вадим, у тебя есть любовница?

Он закрыл глаза.

Потом посмотрел на дверь.

— Давай не будем при ребенке.

— Марк в своей комнате.

— Он может услышать.

— Тогда разговаривай тише.

Муж покачал головой.

— Ты всегда умела зацепиться за одно слово и не видеть всей ситуации.

На меня вдруг навалилась усталость — словно разом закончились все силы, потраченные на перевод, разговор с сыном и ожидание мужа.

— Вадим, я не собираюсь спорить с тобой о наших проблемах, пока ты не ответишь на один вопрос.

— Я уже понял, что ты хочешь услышать.

— Нет. Ты понял, что я знаю часть правды. Это разные вещи.

В коридоре скрипнула дверь.

Мы оба обернулись.

Марк стоял возле кухни.

Он успел переодеться в другую футболку и держал в руках телефон.

— Вы очень громко разговариваете, — сказал он.

Вадим сразу выпрямился.

— Подойди сюда.

Марк остался на месте.

— Зачем?

— Нам надо кое-что выяснить.

— Вадим, — сказала я.

Муж поднял ладонь, не глядя на меня.

— Подожди, Таня. Я разговариваю с сыном.

— Нет. Сейчас ты разговариваешь со мной.

— Марк, я тебя просил сегодня...

— Не надо, — перебил сын.

Вадим замолчал.

Я никогда раньше не слышала, чтобы Марк обращался к отцу так твердо. Он не грубил и не кричал, но отступать явно не собирался.

— Я больше не хочу говорить маме, что мы с тобой куда-то ездили, если это неправда.

Муж несколько секунд смотрел на него.

— Мы договорились, что ты не будешь вмешиваться в наши с матерью отношения.

— Я и не хочу.

— Тогда зачем ты устроил этот разговор?

— Я ничего не устраивал.

Вадим сделал шаг к сыну.

— Марк, ты уже достаточно взрослый, чтобы понимать...

— Хватит, — сказала я.

Оба посмотрели на меня.

Я поднялась из-за стола.

— Марк, иди к себе. Пожалуйста.

Сын не двинулся.

— Мам, я...

— Я знаю. Спасибо, что сказал мне правду. Дальше мы разберемся сами.

Вадим нахмурился.

— Таня, он начал этот разговор. Пусть теперь объяснит, что именно...

— Нет.

Муж посмотрел на меня так, словно не расслышал.

— Что?

— Он ничего тебе объяснять не должен. И передо мной оправдываться тоже.

— Я имею право поговорить со своим сыном.

— Конечно. Но не требовать, чтобы он отвечал за твою ложь.

Вадим сжал челюсти.

Марк переводил взгляд с него на меня.

Я подошла к сыну.

— Иди, пожалуйста. Мы с папой поговорим.

Он спросил почти шепотом:

— Ты точно не будешь меня ругать?

Мне стало больно от одного этого вопроса.

Я взяла его за руку.

Марк обычно терпеть не мог такие прикосновения при посторонних, но сейчас не отстранился.

— Не буду.

— Даже завтра?

— Даже завтра.

Он кивнул.

Потом посмотрел на отца.

Вадим ничего не сказал.

Марк вышел.

Через несколько секунд мы услышали, как закрылась дверь его комнаты.

Марк не хлопнул ею.

Я вернулась к столу.

Вадим стоял у окна и смотрел на улицу.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил он, когда я села.

— Да.

— Ты выставила меня перед сыном человеком, которому нельзя доверять.

Я подняла на него глаза.

— Нет, Вадим. Это ты сам сделал.

Он усмехнулся.

— Очень удобно.

Я ждала, что он продолжит.

И он продолжил.

— Ты всегда стараешься выглядеть правильной. Все у тебя по правилам. Сын должен говорить правду, муж должен отчитываться за каждый шаг. А что ты сама делаешь для семьи?

Я посмотрела на него.

— Ты сейчас серьезно?

— Вполне.

— Ты хочешь обсудить мои обязанности?

— Я хочу, чтобы ты хотя бы попыталась понять меня.

Впервые за весь вечер мне стало страшно не от возможной измены.

А от того, что мы с мужем, похоже, действительно жили в разных представлениях о нашем браке.

Он говорил так, словно приготовленный ужин, оплаченные счета, выученные с сыном уроки, семейные праздники, поездки к его родителям и бесконечные переносы моих собственных планов были чем-то несуществующим.

Я не считала, что должна получать за все это благодарность каждый день.

Но и доказывать, что я вообще участвовала в нашей семейной жизни, не собиралась.

— Вадим, — сказала я, — я сейчас задам вопрос в последний раз.

Он посмотрел на меня.

— Ты встречаешься с другой женщиной?

— Таня...

— Да или нет?

Он долго молчал.

Я видела, как менялось выражение его лица.

Раздражение постепенно уступило чему-то более собранному. Он словно перестраивал разговор, выбирая, что теперь будет выгоднее сказать.

Потом придвинул стул и сел напротив.

Наши места за кухонным столом были привычными.

Семнадцать лет.

Обычно он сидел здесь по воскресеньям, читал новости, пока я готовила завтрак, и спрашивал, куда мы поедем днем.

Я знала каждую царапину на столешнице. Одну оставил Марк, когда в десять лет пытался вскрыть корпус сломанной игрушки. Другую — сам Вадим, уронив тяжелую металлическую подставку.

Я почему-то смотрела именно на эти царапины.

— Я не хотел, чтобы ты узнала таким способом, — сказал муж.

Я медленно подняла глаза.

— Значит, это правда.

— Давай без громких слов.

— Каких?

— Предательство, измена и все остальное, что ты сейчас начнешь говорить.

Меня поразило, насколько заранее он подготовился к моим возможным реакциям.

Он будто заранее решил, что я буду чувствовать и какие слова окажутся чрезмерными.

И, кажется, искренне считал, что может этим управлять.

— Я ничего еще не сказала, — ответила я.

Вадим тяжело вздохнул.

— У меня действительно есть отношения.

Я почувствовала неприятную пустоту под ребрами.

Одно дело — понимать.

Другое — услышать подтверждение от человека, с которым прожила большую часть своей взрослой жизни.

— Как давно? — спросила я.

Муж отвел глаза.

— Несколько месяцев.

— Сколько?

— Около трех.

Я запомнила этот ответ.

Не потому, что три месяца казались мне чем-то незначительным.

Просто он назвал срок слишком быстро после долгого нежелания говорить прямо.

— Кто она?

— Таня, какое это имеет значение?

— Для меня имеет.

— Ты ее не знаешь.

— Имя?

Вадим потер переносицу.

— Ксения.

Я повторила про себя.

Ксения.

Ничего не изменилось.

В кухне стояли наши стулья, на столе лежала купленная им пачка печенья. За стеной находился сын.

А теперь у моего мужа была Ксения.

Женщина с именем, которое я раньше не произносила.

— Где ты с ней познакомился?

— По работе.

— Ты же два года как не служишь.

— Я и сейчас занимаюсь разными вопросами. Ты прекрасно знаешь.

— Знаю. Поэтому и спрашиваю.

Он пожал плечами.

— На одном мероприятии.

— Она замужем?

— Нет.

— Сколько ей лет?

Вадим посмотрел на меня внимательнее.

— Таня, пожалуйста.

— Сколько?

— Тридцать два.

Восемь лет разницы со мной.

Я зачем-то посчитала сразу.

И почувствовала себя глупо.

Будто дело заключалось именно в этих восьми годах.

Будто если бы ей было тридцать девять, предательство оказалось бы другим.

— Она знает, что ты женат?

Муж помедлил.

— Конечно.

— Знает про Марка?

— Да.

Я провела рукой по лицу.

— И вы решили, что он тоже должен знать про вас?

— Это случилось случайно.

— Что именно?

— Они познакомились. Я не планировал.

— Где?

Вадим снова раздраженно выдохнул.

— Таня, мне обязательно рассказывать тебе каждую подробность?

— Нет.

Я произнесла это неожиданно спокойно.

Муж даже поднял брови.

— Не обязательно. Ты уже достаточно сказал.

Он немного расслабился.

Наверное, решил, что самая неприятная часть разговора закончилась.

— Послушай, — сказал он. — Я понимаю, тебе сейчас тяжело. Я не собираюсь делать вид, что поступил правильно.

Я молчала.

— Но давай не будем ломать всю нашу жизнь за один вечер.

За один вечер.

Я посмотрела на часы.

Еще утром я считала, что мы с мужем прожили обычную, пусть и не идеальную жизнь.

Теперь мне предлагали не разрушать ее.

Как будто разрушение начнется только в тот момент, когда я перестану молчать.

— Что ты предлагаешь? — спросила я.

Вадим придвинулся ближе.

— Прежде всего, спокойно все обсудить. Без эмоций. У нас сын, квартира, имущество.

Ты прекрасно понимаешь, что такие решения не принимаются в состоянии обиды.

— Какие решения?

— Любые резкие решения.

— Ты хочешь, чтобы я ничего не делала?

— Я хочу, чтобы ты подумала.

— О чем?

— О будущем.

Я смотрела на него.

Вот это было особенно трудно.

Он говорил о будущем так, словно не его собственные действия поставили его под вопрос.

— А что будет с Ксенией? — спросила я.

Вадим замолчал.

— Ты с ней расстанешься?

— Таня, не дави на меня.

Я невесело усмехнулась: другого ответа уже не нашлось.

— Не давить?

— Да. Я пришел поговорить по-человечески.

— Ты пришел после того, как заставил сына врать мне, и теперь просишь не давить на тебя?

— Я никого не заставлял.

— Он четырнадцатилетний мальчик, Вадим.

— Ему четырнадцать, а не четыре! Он способен понимать сложные вещи.

— Тогда почему ты не объяснил их мне?

Муж откинулся на спинку стула.

— Потому что знал, как ты отреагируешь.

Я почувствовала, как у меня начали дрожать пальцы.

Спрятала руки под стол.

— То есть ты заранее решил, что лучше мне ничего не говорить.

— На тот момент да.

— И сейчас ты не знаешь, собираешься ли заканчивать эти отношения.

Он помолчал.

— Я не хочу принимать решения наспех.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с желанием встать и уйти.

Не из квартиры.

Просто выйти из кухни, перестать его слушать.

Но я заставила себя остаться.

— Тогда зачем ты вообще приехал?

— Потому что ты попросила.

— Нет. Я попросила объяснить, что происходит.

Вадим внимательно посмотрел на меня.

Кажется, впервые за вечер он понял, что привычный разговор не получается.

Что я не собираюсь извиняться за лишние вопросы.

Не предлагаю чай.

Не спрашиваю, устал ли он.

И не пытаюсь подобрать слова, чтобы ему было легче.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я скажу прямо.

Он сложил руки на столе. Серьезный, собранный, уверенный в себе генерал-майор в отставке — мой муж, отец моего сына, человек, которому я верила семнадцать лет.

— У меня есть другая женщина, Таня. Но ты и Марк ни в чем не будете нуждаться.

Глава 2. Сын тебе не прикрытие

Я смотрела на мужа и никак не могла понять, почему он решил закончить признание именно этими словами.

Ни в чем не будем нуждаться.

Как будто я позвонила ему вечером, чтобы узнать, хватит ли нам с Марком денег на продукты.

— Ты сейчас серьезно? — спросила я.

Вадим нахмурился.

— А что не так?

— Ты только что сказал, что у тебя другая женщина. И сразу пообещал нас обеспечивать.

— Я пытаюсь объяснить, что не собираюсь снимать с себя ответственность за семью.

— А какую ответственность ты собираешься оставить?

Он посмотрел на часы.

Это движение окончательно вывело меня из себя.

Я сидела напротив него, пытаюсь разобраться в том, что происходило последние месяцы, а муж проверял время.

— Тебе куда-то нужно? — спросила я.

— Таня, поздно уже. Мы оба устали.

— Я заметила.

— Вот и давай продолжим завтра. Спокойно, без лишних эмоций.

Я посмотрела на стоявший между нами пакет с продуктами.

Вадим успел достать хлеб, но так и не убрал его в хлебницу. Рядом лежали две пачки печенья для Марка.

— Ты сегодня будешь с ней разговаривать? — спросила я.

— С кем?

— С Ксенией.

Муж поднял глаза.

— Не понимаю, зачем тебе это.

— Я хочу знать, что ты собираешься ей сказать.

— Это касается меня.

— А меня не касается?

— Наши отношения я обсуждаю с тобой.

Я помолчала.

— Значит, с ней у тебя одни отношения, со мной другие. И ты сам будешь решать, кого и в какой части они касаются?

Вадим раздраженно отодвинул стакан.

— Ты сейчас намеренно все усложняешь.

— Нет. Я пытаюсь понять, как ты представляешь завтрашнее утро. Мы проснемся, я приготавливаю завтрак, ты спросишь, почему закончился кофе, потом уедешь к Ксении? А вечером вернешься и поинтересуешься, сделал ли Марк уроки?

— Я такого не говорил.

— Тогда объясни.

Он потер лоб.

— Я пока не знаю, как правильно поступить.

— Ты собираешься с ней расстаться?

— Таня...

— Это простой вопрос.

— Для тебя, возможно.

Я откинулась на спинку стула.

Вот теперь все действительно стало понятнее.

Вадим не пришел признаваться, чтобы закончить связь. Он вообще не собирался ничего заканчивать сегодня.

Ему нужно было убедить меня, что я могу узнать правду и продолжать жить как прежде.

— То есть ты хочешь подумать, — сказала я.

— Да.

— А мне предлагаешь подождать.

— Я предлагаю не рубить с плеча.

— Хорошо.

Он заметно расслабился.

— Вот. Наконец-то мы начинаем разговаривать нормально.

— Нет, Вадим. Ты неправильно меня понял. Я согласна, что тебе нужно подумать. Только делать это ты будешь не в нашей спальне.

Улыбка исчезла с его лица.

— Что?

— Сегодня можешь переночевать в кабинете. Завтра решим, как нам жить дальше.

— Ты меня из собственной спальни выгоняешь?

Я посмотрела на него с удивлением.

— Тебя это действительно возмущает?

— Меня возмущает, что ты начинаешь устанавливать какие-то правила.

— А я возражаю против того, чтобы ты спал рядом со мной, пока встречаешься с другой женщиной.

Вадим поднялся.

— Никто не собирался тебя принуждать.

— Тогда о чем спор?

— О том, что это и мой дом тоже.

— Я не спорю.

Он замолчал, словно такой ответ не соответствовал подготовленному разговору.

Я знала, что квартира принадлежала нам обоим. Мы купили ее в браке, оформили по половине на каждого. Я не могла просто объявить Вадиму, что он потерял право здесь находиться.

Но и притворяться, что ничего не произошло, не собиралась.

— Сегодня мы спим отдельно, — повторила я. — Завтра поговорим о том, где ты будешь жить.

— Я никуда не собираюсь переезжать.

— Тогда будем искать другое решение. Только вместе в спальне я с тобой больше спать не буду.

Вадим посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом.

Потом взял свой стакан и поставил в раковину.

— Ты об этом пожалеешь, Таня.

Я не ответила.

Мне не хотелось выяснять, о чем именно я должна пожалеть. О том, что узнала про измену, или о том, что не поблагодарила мужа за обещанные деньги.

Он направился к двери.

— И еще, — сказала я.

Вадим обернулся.

— Марка больше не трогай из-за сегодняшнего разговора.

— Я не собираюсь его трогать.

— Тогда не требуй от него объяснений и не говори, что он нас поссорил.

— Ты опять за свое.

— Я прошу тебя как его мать.

— Я тоже его отец, если ты забыла.

— Не забыла. Поэтому и надеюсь, что ты понимаешь, насколько ему сейчас тяжело.

Вадим хотел что-то ответить, но передумал.

Он вышел из кухни.

Через минуту хлопнула дверь кабинета.

Я осталась одна.

Спать я легла почти в полночь.

Сначала убрала продукты, которые Вадим оставил на столе. Потом вымыла две чашки, хотя посудомоечная машина была практически пустой.

Меня раздражало, что я продолжаю заниматься привычными делами.

Наверное, правильное было бы рыдать, звонить подруге, собирать вещи мужа или хотя бы сидеть на кухне с бокалом вина.

Вместо этого я проверила, закрыт ли холодильник, поставила телефон на зарядку и пошла чистить зубы.

В ванной стояли две наши зубные щетки.

Моя — синяя.

Вадима — черная, с широкой резиновой ручкой. Он покупал только такие и всегда брал сразу несколько одинаковых.

На полке лежал его станок.

На крючке висело полотенце.

Мне не хотелось ни выбрасывать эти вещи, ни убирать их с глаз.

Я просто смотрела на них и думала, что еще утром все это казалось совершенно обычным.

В спальне было прохладно.

Я закрыла окно, достала из шкафа домашнюю кофту и легла поверх покрывала.

Через стену работал телевизор.

Вадим любил смотреть новости перед сном. Иногда включал их так громко, что я просила сделать потише.

Сегодня я не пошла просить.

Минут через десять звук исчез.

Я попыталась заснуть.

Не получилось.

В голове возвращались отдельные фразы.

«У меня действительно есть отношения».

«Около трех месяцев».

«Я пока не знаю, как правильно поступить».

«Ты и Марк ни в чем не будете нуждаться».

Последняя раздражала больше всего.

Я работала переводчиком двенадцать лет. Да, Вадим зарабатывал значительно больше меня. Да, благодаря его доходам мы могли позволить себе просторную квартиру, хорошие поездки и многое из того, что с одной моей зарплатой пришлось бы откладывать.

Но я не была беспомощным человеком.

У меня имелись постоянные заказчики, собственный счет и накопления. Я умела оплачивать коммунальные услуги, разбираться со страховками, покупать билеты, договариваться с мастерами и решать повседневные вопросы.

Почему-то муж считал, что все это не имеет значения.

Я повернулась на другой бок.

На тумбочке лежала книга, которую я начала читать неделю назад. Детектив, подаренный Инной.

Я открыла его на закладке.

Прочитала страницу и поняла, что не помню ни одного предложения.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Вадима.

«Не накручивай себя. Утром все обсудим».

Я несколько секунд смотрела на экран.

Потом отключила звук.

Мне не нужно было, чтобы он успокаивал меня после того, как сам заставил нервничать.

Я уже собралась убрать телефон, когда в коридоре послышались шаги.

Тихие.

Не Вадима.

Я поднялась и открыла дверь.

Марк стоял у своей комнаты в носках, с телефоном в руке.

— Ты почему не спишь? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Воды хотел.

— На кухне есть.

— Я знаю.

Мы посмотрели друг на друга.

— Папа в кабинете? — спросил сын.

— Да.

— Вы поссорились?

Я могла сказать, что ничего страшного не случилось. Что взрослые иногда спорят и завтра все будет нормально.

Но именно таких объяснений Марк сегодня наслушался от отца.

— Мы поговорили, — ответила я. — И пока решили спать отдельно.

— Из-за той женщины?

— Из-за того, что происходит между нами.

Он переступил с ноги на ногу.

— Папа очень злой?

— Не знаю.

— На меня?

Я подошла к нему поближе.

— Послушай. Что бы папа сейчас ни чувствовал, ты не отвечаешь за это.

— Он может не захотеть со мной разговаривать.

— Я надеюсь, что этого не случится.

Сын посмотрел на закрытую дверь кабинета.

— А если случится?

Мне хотелось пообещать, что отец никогда так не поступит.

Но сегодня я уже слишком многое узнала о его поступках.

— Тогда это будет его ошибка, — сказала я. — Не твоя.

Марк кивнул.

— Ладно. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Он сделал пару шагов и остановился.

— Мам?

— Да?

— Я правда думал, что ты знаешь.

Мне стало трудно говорить.

— Я поняла.

— Ну, не все. Но что у вас...

Он неопределенно махнул рукой.

— Я знаю, что ты так думал.

— Я бы не стал специально.

— Марк, тебе не нужно сейчас меня убеждать.

Он посмотрел на меня внимательно.

Потом вдруг подошел и обнял.

Неловко, одной рукой, все еще держа телефон.

Я обняла его в ответ.

Он постоял так несколько секунд, затем быстро отстранился.

— Все, я спать.

— Хорошо.

Я смотрела, как он уходит в свою комнату.

Потом вернулась в спальню и закрыла дверь.

Теперь хотелось плакать оттого, что сын считал необходимым убеждать меня в своей порядочности.

Утром я проснулась раньше будильника.

Было без четверти семь.

За окном моросил дождь. Во дворе дворник сдвигал мокрые листья к бордюру, возле соседнего подъезда женщина пыталась закрыть большой зонт одной рукой, придерживая другой сумку.

Я лежала несколько минут, прислушиваясь к квартире.

Из кабинета не доносилось ни звука.

Марк обычно вставал в семь десять, а потом еще минут пятнадцать доказывал, что способен собраться быстрее всех.

Я пошла на кухню.

Кофеварка была чистой. В холодильнике нашлись яйца, молоко, немного сыра и половина огурца.

Я поставила сковороду на плиту.

Потом передумала и убрала ее.

Вчера вечером Вадим сообщил, что у него другая женщина. Сегодня утром я собиралась жарить ему яичницу.

Смешно.

Только есть хотелось.

Я достала хлеб, поджарила два кусочка и приготовила себе кофе.

Через несколько минут на кухню вошел муж.

Он был одет в темные домашние брюки и футболку. Волосы еще влажные после душа.

— Доброе утро, — сказал он.

Я подняла глаза.

— Доброе.

Вадим посмотрел на мою тарелку.

— А завтрак?

— На кухне.

Он нахмурился.

— Я вижу, что на кухне.

— В холодильнике есть яйца. Хлеб я уже поджарила, можешь взять.

Муж постоял несколько секунд.

— Понятно.

Он достал сковороду и поставил ее на плиту.

Я продолжила пить кофе.

Мне не хотелось устраивать молчаливый протест. Я просто не собиралась сегодня заботиться о его завтраке.

Вадим разбил два яйца.

Часть белка попала на плиту. Он выругался себе под нос и убавил огонь.

— У нас новая губка есть?

— В шкафчике под раковиной.

— Где именно?

— Справа, возле пакетов.

Он открыл шкафчик.

Пошуршал чем-то.

— Не вижу.

Я едва не поднялась, чтобы показать.

Привычка оказалась сильнее усталости.

Но вместо этого сказала:

— Посмотри за бутылкой со средством.

Вадим нашел губку.

— Спасибо.

В кухню вошел Марк.

На нем была школьная рубашка, а волосы выглядели так, словно он действительно соби-
рался их расчесать, но в последний момент передумал.

— Утро, — пробормотал он.

— Доброе, — ответила я. — Ты физику сделал?

— Да.

— Параграф тоже?

— Мам, я же сказал, что сделал.

Он заглянул в холодильник.

— А хлопья где?

— В верхнем шкафчике.

Марк достал коробку, высыпал остатки в миску и налил молока.

Вадим наблюдал за ним.

— Сегодня после школы зайдешь ко мне в кабинет? — спросил он.

Марк остановился.

— Зачем?

— Поговорим.

Сын посмотрел на меня.

Я не вмешивалась.

— О чем? — спросил он.

— О вчерашнем.

Марк отставил молоко.

— Пап, я не хочу.
— Марк, нам надо разобраться.
— Мы вчера уже разговаривали.
— Ты вчера наговорил матери неизвестно чего, а я даже не успел...
— Вадим, — сказала я.

Муж повернулся.

— Что?
— Не сейчас.
— Я говорю со своим сыном.
— А он тебе отвечает, что не хочет обсуждать вчерашнее.

Вадим выключил плиту.

— Марк, иди собирайся.

Сын резко поднял голову.

— Я еще не поел.
— Тогда доедай и собирайся.
— Я и так собираюсь!

Марк подхватил миску и ушел в гостиную.

Я проводила его взглядом.

Обычно мы не разрешали есть там перед телевизором. Сегодня я решила не спорить из-за крошек.

Вадим поставил сковороду на подставку.

— Поздравляю, Таня.

Я посмотрела на него.

— С чем?
— Ты добила своего.
— Чего именно?
— Теперь он со мной даже разговаривать не хочет.

Я поставила чашку.

— Вадим, давай сразу договоримся. Ты можешь злиться на меня. Можешь считать, что я неправильно реагирую. Но я не позволю обвинять Марка в том, что произошло.

— Я его не обвиняю.
— Ты только что сказал, что он наговорил мне неизвестно чего.
— Потому что я понятия не имею, что именно он рассказал.
— Тогда спрашивай меня.

Муж усмехнулся.

— Очень удобно. Ты теперь будешь решать, о чем мне говорить с собственным сыном?
— Нет. Но обсуждать подробности твоих отношений с Ксенией он не обязан.

Вадим замолчал.

Я увидела, что он хочет возразить. Он даже открыл рот, но потом посмотрел в сторону гостиной.

— Ты не понимаешь, какой пример ему показываешь, — произнес он тише.
— Какой?
— Вместо того чтобы сохранить семью, устраиваешь из-за одной ошибки...
— Не продолжай.

Я сказала это достаточно громко.

Муж прищурился.

— Что?
— Пожалуйста, не называй при сыне свою измену одной ошибкой. И не объясняй ему, что семья сохранится, если я буду молчать.

Он посмотрел на дверной проем.

Марк сидел в гостиной. Мы не видели его, но слышали, как звякнула ложка о миску.

Вадим понизил голос.

— Ты сама хочешь сделать из этого катастрофу.

Я почувствовала, что продолжать бесполезно.

— Я хочу, чтобы Марк спокойно позавтракал и ушел в школу.

Муж отвернулся.

Я подошла к окну.

Во дворе уже стоял школьный автобус, забирающий младшие классы. Несколько ребят бежали к нему по мокрой дорожке.

Совершенно обычное утро.

Сыну предстояла контрольная по математике.

У меня — два перевода и звонок заказчику.

Муж собирался куда-то ехать.

А мы не могли даже обсудить яичницу и хлопья без ссоры.

Марк вышел из дома в половине восьмого.

Я помогла ему найти вторую перчатку, которая почему-то оказалась в кармане ветровки, и напомнила взять контейнер с обедом.

— Мам, я не в детском саду, — сказал он.

— Тогда перестань прятать перчатки в одежде, которую не носишь.

— Я их не прятал.

— Конечно. Они сами туда залезли.

Он едва улыбнулся, но я была рада даже этому.

У двери стоял Вадим.

— Марк, — позвал он.

Сын обернулся.

— Что?

— После школы позвони мне.

— Зачем?

— Просто позвони. Я твой отец, имею право узнать, как у тебя дела.

Марк посмотрел на меня.

Я не собиралась отвечать за него.

— Хорошо, — сказал сын после паузы.

Вадим протянул руку, чтобы поправить ему воротник.

Марк отступил на шаг.

Движение получилось почти незаметным.

Муж замер.

Потом убрал руку.

— Ладно. Иди.

Марк быстро обулся.

— Пока.

— Пока, — ответила я.

Дверь закрылась.

Вадим еще несколько секунд смотрел на нее.

Потом повернулся ко мне.

— Видела?

— Что?

— Он теперь шарахается от меня.

Я не знала, что ответить.

Мне было жаль их обоих.

Но особенно Марка, который даже не представлял, как правильно вести себя с отцом после вчерашнего.

— Дай ему немного времени, — сказала я.

— Ты могла бы ему объяснить.

— Что именно?

— Что я не перестал быть его отцом.

— Я ему это говорила.

Вадим посмотрел на меня с недоверием.

— И что он ответил?

— Ничего особенного.

— Таня, я не понимаю, почему ты скрываешь от меня разговоры с сыном.

— Я ничего не скрываю. Просто не собираюсь пересказывать тебе каждое его слово.

Муж провел рукой по волосам.

— Отлично.

Он направился в кабинет.

Я пошла следом.

— Вадим, нам нужно договориться о другом.

— О чем еще?

— О том, где ты будешь жить.

Он остановился.

— Мы вчера уже обсуждали это.

— Нет. Вчера я сказала, что не хочу спать с тобой в одной комнате.

— И сегодня продолжаешь?

— Да.

Муж опустился в кресло.

На столе лежали его документы, несколько папок и блокнот. Возле компьютера стояла фотография с того самого отпуска на море.

Я не стала смотреть на нее.

— Я не собираюсь выезжать из собственной квартиры, — сказал он.

— Я знаю, что она принадлежит нам обоим.

— Тогда в чем вопрос?

— В том, что нам нужно пожить отдельно.

— Для чего?

— Чтобы разобраться, что делать дальше.

— Ты вчера прекрасно говорила, что уже все решила.

— Вчера я ничего не обещала. Я только сказала, что не хочу продолжать жить как раньше.

Вадим покрутил в руках ручку.

— Если тебе так необходимо побыть одной, можешь снять квартиру.

Я посмотрела на него.

— А Марк?

— Что Марк?

— Ему ездить со мной из съемной квартиры в школу? Или оставаться здесь без меня?

Муж нахмурился.

— Не надо все доводить до абсурда.

— Я спрашиваю, как ты представляешь это на практике.

— Он может остаться со мной.

Мне стало холодно.

— Он вчера боялся, что ты перестанешь с ним разговаривать.
— Я никогда такого не говорил.
— Я не утверждаю, что говорил. Я объясняю, что он переживает.
Вадим отложил ручку.
— Ты предлагаешь мне уйти, а сына оставить тебе.
— Я предлагаю тебе временно пожить отдельно, чтобы мы не выясняли отношения у него на глазах. Марк сможет встречаться с тобой, если вы оба этого хотите.
Муж посмотрел на меня внимательно.
— Ты уже решила разводиться?
Я почувствовала, как внутри все сжалось.
Слово прозвучало спокойно.
Без крика.
Но после него невозможно было вернуться к разговору о том, кто где будет спать.
Я могла сказать, что не знаю.
Что мне нужно время.
Что мы попробуем пожить отдельно и посмотрим, как изменится ситуация.
Еще вчера я, вероятно, так и сделала бы.
Но за прошедшую ночь у меня появилось понимание, от которого было трудно отмахнуться.
Вадим не просил меня простить его.
Он даже не говорил, что прекратит отношения с Ксенией.
Он хотел, чтобы я согласилась подождать, пока он сам определится.
А наш сын уже несколько недель ждал, когда взрослые наконец скажут правду.
— Да, — ответила я. — Я хочу развестись.
Вадим уставился на меня.
— Что?
— Я подам на развод.
Он несколько секунд смотрел на меня.
Потом усмехнулся.
— После одного разговора?
— После того, что я узнала.
— Ты даже не попыталась меня понять.
— Я вчера весь вечер пыталась.
— Нет, Таня. Ты предъявляла претензии.
Я присела на край дивана у стены.
— Тогда объясни мне сейчас. Ты хочешь сохранить наш брак?
Вадим нахмурился.
— Разумеется, я не хочу разрушать семью.
— Ты готов прекратить отношения с Ксенией?
Он отвернулся к окну.
Я подождала.
— Вадим?
— Я не собираюсь принимать решения под давлением.
Я кивнула.
— Тогда все.
— Что все?
— Больше не о чем договариваться в отношении нашего брака.
Муж резко поднялся.

— Ты слышишь себя? Семнадцать лет вместе! Семнадцать лет, Таня! И ты готова все перечеркнуть из-за...

Он запнулся.

— Из-за чего? — спросила я.

Вадим посмотрел на меня.

— Из-за ситуации, которую мы могли бы решить.

— Как?

— По-взрослому.

— Я сейчас разговариваю с тобой по-взрослому.

Он прошелся по кабинету.

— Ты не понимаешь, насколько сложно будет потом все вернуть.

— Я и не собираюсь возвращать то, что было.

Муж остановился.

Впервые с начала разговора он выглядел растерянным.

Всего на секунду.

Потом снова выпрямился.

— Ты пожалеешь об этом решении.

Я не ответила.

— Особенно когда поймешь, сколько вопросов придется решать самостоятельно.

— Я знаю, что вопросов будет много.

— Нет, Таня. Ты даже не представляешь.

Он перечислил квартиру, расходы, Маркову учебу, поездки, страховки и еще какие-то обязательства.

Я слушала и постепенно понимала: муж не столько объяснял сложности развода, сколько пытался убедить меня, что без него я не справлюсь.

— Вадим, — остановила я его, когда он заговорил о коммунальных платежах. — Ты правда считаешь, что я не знаю, как оплачивать квартиру?

Он раздраженно выдохнул.

— Я говорю не об этом.

— Тогда давай оставим финансовые вопросы до того момента, когда мы сможем их нормально обсудить. Сейчас нужно решить, где ты будешь жить ближайшие дни.

Он сел обратно.

Мы молчали.

Из кухни донесся сигнал посудомоечной машины.

Вадим всегда терпеть не мог этот звук. Он говорил, что устройство пищит так, будто выиграло конкурс.

Сейчас никто из нас не улыбнулся.

— Хорошо, — произнес муж наконец. — Я могу пожить в гостинице.

Я выдохнула.

— Спасибо.

— Но ненадолго.

— Давай сначала на несколько дней. Потом решим, как организовать отдельное проживание.

— Ты все равно будешь со мной разговаривать.

— Конечно. У нас общий сын и имущество.

Вадим неприятно усмехнулся.

— Очень деловой подход.

— Я не знаю, чего ты сейчас от меня ждешь.

Он посмотрел на меня.

— Хотя бы того, что ты не станешь немедленно бегать по адвокатам.

Я помолчала.

— Этого обещать не могу.

— Таня!

— Я ничего не знаю о процедуре развода. Мне понадобится консультация.

— Я и сам могу объяснить.

— Но я хочу узнать независимо от тебя.

Судя по выражению лица, ответ ему не понравился. Вадим никогда не любил, когда я перепроверяла его слова. При этом сам обязательно выяснял, что за мастер дал рекомендацию, где тот учился и сколько лет работает.

Мне раньше казалось, что это разумная осторожность.

Теперь я впервые подумала, что в нашей семье подобная проверка существовала только в одну сторону.

— Делай как знаешь, — сказал он.

Я поднялась.

— Тогда я пойду работать. У меня сегодня два срока.

— Таня.

Я остановилась в дверях.

— Что?

— Ты ведь понимаешь, что никто не собирается тебя бросать без денег?

Мне пришлось сдержаться, чтобы не засмеяться.

— Понимаю, Вадим.

Он выглядел удовлетворенным.

Я вышла из кабинета.

Через несколько шагов меня догнала мысль, которую я не успела высказать.

Дело было не в том, что муж мог оставить меня без средств.

Он вообще не верил, что у меня есть причины уйти, кроме страха лишиться его обеспечения.

К полудню я закончила половину первого перевода.

Работа шла медленно, но постепенно я втянулась.

Нужно было сверить несколько технических терминов, уточнить название детали по чертежу и подготовить письмо заказчику.

Вадим уехал около десяти.

Перед выходом сообщил, что вечером заберет часть вещей.

Я спросила, собирается ли он сразу искать гостиницу.

Он ответил, что разберется.

Больше мы не разговаривали.

Когда квартира опустела, я впервые за сутки спокойно выпила кофе.

Потом позвонила Инне.

Мы дружили со студенческих времен. Она работала бухгалтером, воспитывала двух дочерей и умела находить время для подруг даже в конце отчетного периода.

Правда, обычно это время сопровождалось фразой «Я тебе сейчас перезвоню» и звуком бесконечно открывающихся таблиц.

— Тань, привет. Только быстро, ладно? Я сейчас с отчетом.

— У Вадима любовница.

На другом конце стало тихо.

Потом послышался стук.

— Черт, ручку уронила. Повтори.

— У Вадима другая женщина.
— Ты шутишь?
— Нет.
— Откуда узнала?
Я закрыла глаза.
— Марк рассказал.
— Марк?
— Вадим использовал его как прикрытие.
— Подожди. Не торопись.
Я рассказала, что произошло вчера вечером.
Инна больше не перебивала.
Когда я закончила, она некоторое время молчала.
— Я правильно поняла, что он даже не предложил расстаться с любовницей? — спросила она.
— Да.
— И что он собирается делать?
— Думать.
— Потрясающе.
Я невольно улыбнулась.
— Инна...
— Нет, правда. Я сейчас пытаюсь представить, как он это себе организует. По понедельникам думает о жене, по вторникам — о любовнице?
— Не начинай.
— Ладно, извини. Просто я очень злая.
— Я тоже.
— А ты что решила?
Я посмотрела на лежавший рядом блокнот.
Там были записаны английские термины и вопросы для заказчика.
Никакого развода.
Никаких планов новой жизни.
Только обычная работа.
— Хочу развестись, — сказала я.
Инна не ответила сразу.
— Ты уверена?
— Да.
— Он знает?
— Сказала утром.
— И?
— Не понравилось.
— Еще бы.
В трубке зашуршали бумаги.
— Таня, ты ела сегодня?
Я удивилась.
— При чем здесь это?
— При том, что я тебя знаю. Когда нервничаешь, можешь целый день пить кофе.
— Тосты ела.
— Прекрасно. Два тоста на сорок лет жизни. Сейчас сделай себе нормальный обед.
— Инна, мне не пять лет.
— Тогда води себя соответственно и поешь.

Я не удержалась от смеха.
Короткого, но настоящего.
Инна тоже усмехнулась.

— Слушай. Я бы тебе посоветовала завтра поговорить с нормальным семейным адвокатом.

— Вадим против.
— Он еще и против?
— Говорит, сам все объяснит.
— Не сомневаюсь.

Подруга помолчала.

— У меня есть номер Виктории Беловой. Помнишь, я рассказывала, она помогала сестре Олега?

— Кажется.
— Я уточню, занимается ли она такими делами сейчас. Скину контакт.
— Хорошо.
— И не подписывай ничего сразу.
— Он пока ничего не предлагал.
— Вот и отлично. Пусть сначала сам решит, что собирается делать со своей жизнью.

Я потеряла переносицу.

— Инна, знаешь, что самое странное?

— Что?

— Я всю ночь думала не о любовнице.

— А о чем?

— О Марке. Он вчера несколько раз спрашивал, не будет ли отец на него злиться.

Инна тяжело вздохнула.

— Бедный мальчишка.

— Он же ему верил. А Вадим заставил его участвовать в этом.

— Таня, я тебя сейчас попрошу об одной вещи.

— Какой?

— Не пытайся за один день исправить все, что твой муж испортил за месяцы.

Я не ответила.

— Ты можешь быть рядом с Марком. Можешь объяснять ему, что он не виноват. Но ты не обязана еще и спасать репутацию Вадима в глазах сына.

— Я понимаю.

— Пока не очень, судя по голосу.

В дверь квартиры позвонили.

— Подожди минутку, Инна.

Я вышла в прихожую и открыла дверь. Соседка с нижнего этажа принесла ошибочно доставленную посылку. Я поблагодарила ее, закрыла дверь и вернулась к телефону.

— Инна, мне нужно работать.

— Хорошо. Вечером напишу.

— Спасибо.

— И, Таня...

— Что?

— Ты можешь мне звонить, даже если просто захочешь посидеть и помолчать.

После разговора я несколько минут смотрела на телефон.

Потом пошла на кухню и действительно приготовила себе обед.

Не потому, что подруга приказала.

Просто поняла, что со вчерашнего вечера почти ничего не ела.

Марк вернулся из школы в начале четвертого.

С порога объявил, что контрольная по математике была «какая-то странная», а учительница по физике опять дала им задание, которое невозможно выполнить без покупки дополнительных деталей.

— Илья говорит, что мы можем взять у его папы, — сказал он, снимая куртку.

— Какие детали?

— Там крепления нужны. Алексей Сергеевич говорил, у них на работе есть похожие, но я не уверен.

— Тогда сначала выясните, что именно требуется. Нельзя брать что-то только потому, что похоже.

— Мам, я знаю.

Он прошел на кухню.

Я разогрела ему суп.

Марк сел и уткнулся в телефон.

— Как контрольная? — спросила я.

— Нормально.

— Ты сказал, странная.

— Это не значит, что я плохо написал.

— Я и не говорила.

Он взял ложку.

Мы несколько минут молчали.

Потом сын вдруг спросил:

— Папа дома?

— Нет.

— А вечером будет?

— Приедет за вещами.

Марк перестал есть.

— За какими?

Я села напротив.

— Мы договорились, что пока папа поживет отдельно.

Сын посмотрел на меня.

— То есть он уходит?

— На какое-то время будет жить в другом месте.

— Из-за меня?

Я закрыла глаза на секунду.

Мы снова вернулись к тому же.

— Марк, нет.

— Но вчера же все было нормально.

— Вчера мы еще не знали всей правды.

— Ты не знала.

— Да. Я не знала.

Он отложил ложку.

— Если бы я промолчал, он бы сейчас жил здесь.

Я не стала отрицать очевидное.

Возможно, Вадим действительно продолжал бы жить с нами.

Возможно, еще месяц.

Или полгода.

Но это не означало бы, что у нас все в порядке.

— Марк, — сказала я, — если человек делает что-то плохое, а другой об этом узнает, виноват не тот, кто рассказал правду.

— Я знаю.

— Тогда почему ты думаешь, что папа уезжает из-за тебя?

Сын пожал плечами.

— Просто так получилось.

Я придвинула к нему хлеб.

— Ешь, пока суп не остыл.

Он взял кусок.

— А куда папа поедет?

— Пока в гостиницу. Потом решит.

— Он же не любит гостиницы.

— Знаю.

— У него там спина болит, если матрас неудобный.

Я чуть не сказала, что теперь это не моя проблема.

Но вовремя остановилась.

Для Марка отец не превратился в чужого человека.

Он все еще помнил, на каком матрасе тому удобно спать, какую музыку он слушает в машине и почему всегда покупает одно и то же печенье.

— Думаю, папа сможет выбрать подходящее место, — ответила я.

Сын кивнул.

Потом неожиданно спросил:

— А ты на него очень злишься?

— Да.

— Сильно?

— Сильно.

Марк покрутил ложку.

— Ты теперь его ненавидишь?

Я задумалась.

Мне не хотелось врать.

Но и отвечать словами, которые потом будет трудно забрать обратно, не собиралась.

— Нет, — сказала я. — Я очень обижена. И не знаю, смогу ли снова ему доверять.

— А если он извинится?

Я посмотрела на сына.

Он ждал ответа так внимательно, что у меня защемило сердце.

— Извинения бывают важны, — сказала я. — Но они не всегда исправляют то, что уже произошло.

Марк опустил глаза.

— Понятно.

Я осторожно добавила:

— Я решила подать на развод, Марк. Это касается моих отношений с папой, не твоих.

Ты можешь его любить, даже когда мы будем жить отдельно.

— А можно я все равно буду к нему ездить?

— Конечно.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Даже если ты будешь против?

— Я не собираюсь запрещать тебе общаться с отцом из-за того, что он изменил мне.

Марк помолчал.

Потом сказал:

— Только я пока не хочу.

— Тогда не торопись.

Он вернулся к супу.

Я смотрела, как он ест, и думала, что он сегодня впервые за долгое время задает мне вопросы прямо.

Без попытки угадать правильный ответ.

Мне хотелось, чтобы так и оставалось.

Вадим приехал в шесть.

На этот раз он открыл дверь своим ключом, прошел в спальню и достал из шкафа большую дорожную сумку.

Я находилась за рабочим столом.

Когда муж вошел, я как раз проверяла письмо иностранному заказчику.

— Ты долго? — спросила я.

— А что?

— Мне нужно закончить работу.

Он посмотрел на ноутбук.

— Пятнадцать минут.

Вадим открыл шкаф.

Начал снимать с вешалок рубашки, складывать их пополам и укладывать в сумку.

Я вернулась к письму.

Через несколько минут он спросил:

— Где моя синяя рубашка?

— Какая?

— С длинным рукавом. Я в ней на прошлой неделе ездил на встречу.

— Посмотри в правой части шкафа.

— Нет там.

Я проверила перевод одного предложения.

Вадим подождал.

— Таня?

— Да?

— Я не могу найти рубашку.

Мне захотелось сказать, что за семнадцать лет брака он вполне мог научиться искать собственные вещи.

Но это было бы мелочно.

Я поднялась, открыла соседний отсек и достала рубашку.

— Вот.

Вадим посмотрел на нее.

— Почему она здесь?

— Потому что ты сам повесил ее сюда после химчистки.

Он взял рубашку.

— Понятно.

Я вернулась к компьютеру.

Через минуту муж снова обратился ко мне:

— А дорожный набор где?

— Какой?

— С зубной щеткой и бритвой.

— В ванной, в нижнем ящике.

Вадим вышел.

Я смотрела на открытый документ.

Мне вдруг стало ясно, что даже сейчас муж ожидал от меня обычного обслуживания.

Он просто привык: если нужна рубашка, Таня найдет; если нужно собрать сумку, Таня подскажет. А если надо скрыть измену, можно попросить сына.

И каждому из нас придется делать что-то неудобное, чтобы Вадим продолжал жить так, как ему хочется.

Я закрыла ноутбук.

— Ты уже выбрал гостиницу? — спросила я, когда он вернулся.

— Да.

— Надолго?

— Пока на три дня.

— Хорошо.

Он положил косметичку в сумку.

— Ты действительно собираешься довести это до развода?

Я посмотрела на него.

— Мы утром об этом говорили.

— Я надеялся, что за день ты немного успокоишься.

— Я спокойна.

— Тогда почему не можешь подождать хотя бы неделю?

Я устало выдохнула.

— Вадим, я не меняю решение только потому, что прошел день.

Он сел на край кровати.

— У нас было много хорошего, Таня.

Я опустила глаза.

Вот с этим спорить было трудно.

Хорошее действительно было.

Вадим не всегда разговаривал со мной так, как вчера.

Когда моя мать попала в больницу несколько лет назад, он отменил поездку и три дня возил нас туда и обратно. Не жаловался, не требовал благодарности. Просто делал то, что было нужно.

Когда Марк заболел воспалением легких, муж сидел с ним по ночам и проверял температуру.

Он помогал мне выбирать первый ноутбук для работы и терпеливо объяснял, почему не стоит экономить на памяти.

Были праздники, путешествия, смешные истории.

И много обычных дней, которые я считала счастливыми.

Я не хотела делать вид, что все семнадцать лет были ошибкой.

— Было, — ответила я.

Вадим посмотрел на меня с надеждой.

— Тогда зачем все уничтожать?

— Я ничего не уничтожаю. Я просто не хочу продолжать наш брак после того, что узнала.

— Ты говоришь так, словно у нас никогда ничего не было.

— Нет. Именно потому, что у нас многое было, мне так тяжело.

Он помолчал.

— Я мог бы попытаться все исправить.

Я внимательно посмотрела на него.

— Каким образом?

Вадим отвел глаза.

— Для начала перестать ссориться.

— А Ксения?

Муж сжал губы.

— Опять ты о ней.

— Потому что она никуда не исчезла.

— Ты сейчас ставишь мне ультиматумы.

— Нет. Я спрашиваю, что именно ты собираешься исправлять.

Он поднялся.

— Мы ходим по кругу.

— Потому что ты не хочешь отвечать.

Вадим застегнул сумку.

— Я не понимаю, почему ты решила, что имеешь право требовать от меня немедленного выбора.

Я перестала искать ему оправдания.

До этого я еще пыталась представить, что муж просто растерян, что ему не хватает времени, что он не умеет признавать вину.

Но теперь он говорил совершенно ясно.

Я не имею права требовать выбора.

Хотя он давно сделал один выбор за моей спиной.

— Вадим, — сказала я, — я больше не собираюсь просить тебя выбирать между мной и другой женщиной.

Он нахмурился.

— Что это значит?

— То, что я выхожу из этого разговора. Ты можешь строить свою жизнь так, как считаешь нужным. А я буду строить свою.

— Ты сейчас говоришь красивые слова.

— Возможно.

— В реальности все сложнее.

— Я знаю.

— Нет, Таня. Ты не знаешь, как это будет выглядеть через месяц.

— Тогда через месяц и посмотрим.

Он хотел что-то сказать, но в дверях появился Марк.

— Пап?

Вадим сразу повернулся к нему.

— Да, сын.

Марк посмотрел на сумку.

— Ты уже едешь?

— Да. На несколько дней.

— К той женщине?

Вопрос прозвучал прямо.

Вадим помрачнел.

— Марк, это не детский разговор.

Сын пожал плечами.

— Я просто спросил.

— Не надо меня допрашивать.

Я поднялась.

— Вадим, он вправе знать, где ты будешь жить.

Муж посмотрел на меня с раздражением.

— Я еду в гостиницу. Доволен?

Марк опустил глаза.

— Я не говорил, что доволен.
В комнате стало тихо.
Вадим поставил сумку возле двери.
— Послушай, сын. Я никуда от тебя не уйду. Мы с мамой сейчас разбираемся в своих отношениях. Это временно.
Марк посмотрел на него.
— А если мама разведется?
Вадим замялся.
— Давай не будем торопиться с такими словами.
— Она сказала, что хочет.
Муж повернулся ко мне.
Я выдержала его взгляд.
— Да, — сказала я. — Я сказала Марку, что собираюсь разводиться.
— Ты уже успела и с ним это обсудить?
— Он спросил, что будет дальше.
Вадим тяжело вздохнул.
— Марк, мама сейчас очень расстроена. Ей нужно немного времени.
Я почувствовала, как снова начинаю злиться.
— Не надо говорить сыну, что мое решение зависит от настроения.
Муж резко обернулся.
— Тогда скажи ему сама.
Марк стоял между нами.
Он смотрел на меня с таким выражением, что мне стало стыдно.
Мы снова начали спорить при нем.
И снова каждый пытался объяснить происходящее так, чтобы быть понятым.
Но сыну сейчас не требовалась идеальная версия нашего развода.
Ему нужны были конкретные ответы.
Я подошла к нему.
— Марк, послушай. Мы с папой сейчас будем жить отдельно. Я хочу развестись. Это не значит, что папа перестанет быть твоим отцом.
Он кивнул.
— Я понял.
— Вы сможете разговаривать, видеться, проводить время вместе.
— Если он захочет, — тихо добавил сын.
Вадим вздохнул.
— Ну что за глупости? Конечно, захочу.
Марк посмотрел на него.
— А если я пока не хочу?
Отец не сразу ответил.
— Значит, немного подождем.
— Хорошо.
Я почувствовала облегчение.
Впервые за два дня Вадим не требовал от сына объяснений и не напоминал о своей власти. Просто согласился дать время.
Марк посмотрел на сумку.
— Ты все вещи забираешь?
— Нет, только необходимое.
— А остальное?
— Позже решим.

Сын кивнул.

— Ладно.

Он уже собирался уйти, но Вадим позвал его.

— Марк.

— Что?

— Ты ведь понимаешь, что я тебя люблю?

Мальчик опустил глаза.

— Да.

— И это никогда не изменится.

Марк молчал.

Потом тихо сказал:

— Я тоже тебя люблю, пап.

Вадим подошел и обнял его.

На этот раз сын не отстранился.

Но и не обнял в ответ сразу.

Я стояла возле шкафа и смотрела на них.

Мне хотелось, чтобы они сумели сохранить отношения — несмотря на случившееся, на мою обиду и на то, что Вадим пока не понимал, какую боль причинил Марку.

Муж уехал в начале восьмого.

Перед выходом он положил ключи на тумбочку.

Я посмотрела на них.

— Зачем?

— Чтобы ты не думала, что я собираюсь приезжать без предупреждения.

Я кивнула.

— Спасибо.

Он подхватил сумку.

Потом вдруг остановился.

— Таня.

— Да?

— Я все еще надеюсь, что ты передумаешь.

Я не стала отвечать сразу.

Он стоял передо мной в коридоре.

Высокий, крепкий мужчина, с которым я прожила семнадцать лет.

Я знала его привычки, его любимые блюда, его страхи и слабости.

Знала, как он смеется, когда Марк рассказывает глупости.

Знала, что он не любит холодную постель и всегда просит закрыть окно перед сном.

И совершенно не знала человека, который спокойно предложил мне ждать, пока он решит, с кем хочет быть.

— Я не могу тебе этого обещать, — сказала я.

Вадим сжал ручку сумки.

— Хорошо.

Он вышел.

Дверь закрылась.

Я осталась в коридоре.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом из кухни раздалось:

— Мам, а мы ужинать будем?

Я повернула голову.

Марк стоял возле холодильника.

В руках у него была упаковка сыра.

Почти такая же, как вчера.

— Будем, — ответила я.

— А что?

Я посмотрела на часы.

— Макароны с курицей?

— Можно.

— Тогда помогай.

Он вздохнул.

— Мам, я только собирался сесть за уроки.

— Значит, у тебя есть пять минут, чтобы поставить воду.

— Это нечестно.

— Почему?

— Потому что ты сказала, что будем ужинать, а оказалось, что готовить должен я.

Я невольно улыбнулась.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь.

Марк закатил глаза.

Но кастрюлю достал.

Мы вместе приготовили ужин.

Он пытался убедить меня, что макароны можно варить без постоянного контроля, а я объясняла, почему пачку сыра не стоит оставлять возле горячей плиты.

Потом мы сели за стол.

Вадимово место осталось пустым.

Марк несколько раз посмотрел на него.

Я заметила, но ничего не сказала.

После ужина сын помог убрать посуду.

Перед тем как уйти к себе, он спросил:

— Мам, а мы теперь всегда будем вдвоем?

Я задумалась.

— Не знаю, Марк. Наверное, пока да.

— Понятно.

Он постоял немного.

— А папа может к нам приходить?

— Конечно. Только будем заранее договариваться.

— А если он просто захочет увидеть меня?

— Тогда позвонит тебе или мне, и мы решим, когда вам удобно встретиться.

Марк кивнул.

— Хорошо.

Я хотела пожелать ему спокойной ночи, но он вдруг спросил:

— Мам, ты теперь тоже будешь от меня что-нибудь скрывать?

Я посмотрела на него.

Вот он, главный результат вчерашнего вечера.

Мой сын больше не был уверен, что взрослым можно верить.

Я подошла ближе.

— У меня могут быть личные дела, Марк. Как и у тебя. Но я не буду просить тебя врать за меня.

Он немного подумал.

— Ладно.

— И если что-то важное изменится, я скажу тебе сама.

— Хорошо.

Он ушел в свою комнату.

Я еще некоторое время стояла в коридоре.

Потом вернулась на кухню.

На столе лежал телефон.

От Вадима пришло сообщение.

«Надеюсь, завтра мы сможем поговорить разумно. Только давай без юристов и лишних людей».

Я прочитала его.

Впервые за семнадцать лет мне не захотелось немедленно ответить мужу, объяснить свою позицию, подобрать слова, чтобы он не обиделся.

Я просто убрала телефон.

Завтра у меня были рабочие сроки, школьные дела Марка и необходимость узнать, как оформляется развод.

Инна обещала прислать номер адвоката.

Я открыла блокнот и на свободной странице написала три пункта:

«Перевод — до 14:00».

«Марк — проект по физике».

«Позвонить Виктории Беловой».

Потом закрыла блокнот и пошла спать.

Впереди было много неприятного.

Я это понимала.

Мне предстояло разобраться с квартирой, деньгами, документами. Объяснять родственникам, что случилось. Учиться разговаривать с Вадимом так, чтобы не втягивать в наши споры сына.

Я не знала, получится ли у меня все сделать правильно.

Но одно решение я уже приняла.

И на этот раз не собиралась просить у мужа разрешения.

Глава 3. Ничего не случилось — так он сказал

В среду утром мне позвонила женщина, с которой я виделась всего три раза за последние пять лет.

Звали ее Лариса Павловна. Ее муж когда-то служил вместе с Вадимом, и несколько лет подряд мы встречались на общих праздниках. Потом общение почти прекратилось, но номера в телефонах остались.

Я сидела за компьютером и проверяла перевод договора поставки.

— Танечка, здравствуй! — бодро начала она. — Не отвлекаю?

— Здравствуйте. Немного работаю, но пару минут есть.

— Я буквально на минутку. Как ты?

Вопрос прозвучал слишком осторожно для человека, который обычно интересовался только здоровьем общих знакомых.

— Нормально, спасибо. А вы?

— Да все хорошо. Слушай, мы тут с Вадимом разговаривали...

Я убрала руку с компьютерной мыши.

— И?

— Он сказал, вы решили какое-то время пожить отдельно.

— Да.

— Ну, бывает, Танечка. Семнадцать лет вместе, конечно, устаешь друг от друга. Главное, не делайте глупостей.

Я посмотрела на открытый документ.

В нем говорилось о порядке приемки товара, ответственности сторон и сроках устранения недостатков.

Забавно, что даже в обычном договоре последствия нарушений были описаны подробнее, чем в предложениях моего мужа о сохранении семьи.

— Какие именно глупости? — спросила я.

Лариса Павловна немного растерялась.

— Ну, разводы эти ваши. Вадим сказал, вы сейчас оба на нервах. У него непростой период после службы, тебе тоже, наверное, хочется внимания.

— Он так сказал?

— Не дословно, конечно. Ты же знаешь, какой он закрытый. Но я поняла, что вы просто немного устали друг от друга.

Я не знала, что ответить.

Вадим съехал два дня назад.

За это время мы обменялись несколькими сообщениями о Марке, его школьном расписании и вещах, которые муж забыл забрать. Ни одного содержательного разговора о нашем браке не было.

Зато он уже успел объяснить знакомым, почему мы больше не живем вместе.

И в его объяснении не оказалось Ксении.

— Лариса Павловна, — сказала я, — мы действительно разъехались. Но я не хочу обсуждать причины.

— Конечно, дорогая. Это ваше личное дело. Я просто хотела сказать, что Вадим очень достойный человек. Не каждый мужчина столько делает для семьи.

Я медленно выдохнула.

— Я понимаю, что вы хорошо к нему относитесь.

— И к тебе тоже! Именно поэтому звоню. Может, пригласить вас обоих к нам в субботу? Посидим по-семейному, отвлечется.

Я представила, как мы сидим за большим столом, Вадим рассказывает историю из службы, все смеются, а я подаю ему салат.

И никто не знает, что после ужина он может отправиться к другой женщине.

— Спасибо за приглашение, но я не приду.

— Таня, не надо так резко.

— Я просто отказываюсь от приглашения.

На другом конце помолчали.

— Ты всегда была разумной женщиной, — произнесла Лариса Павловна уже прохладнее.

— Надеюсь, сейчас тоже все взвесишь.

Мы попрощались.

Я положила телефон и несколько минут сидела неподвижно.

Потом открыла переписку с Вадимом.

Последнее сообщение от него пришло накануне вечером.

«На следующей неделе, в пятницу, заберу зимние вещи. Марк после школы может поехать со мной?»

Я ответила, что сын сам решит, хочет ли встречаться.

Вадим больше ничего не написал.

Я набрала новое сообщение:

«Мне сегодня звонила Лариса Павловна. Не нужно рассказывать общим знакомым, что мы просто устали друг от друга».

Он ответил через минуту.

«А что я должен им говорить? Выносить семейные проблемы на публику?»

Я прочитала сообщение дважды.

Потом написала:

«Можешь вообще не обсуждать наш брак. Я так и делаю».

Ответ пришел почти сразу.

«Таня, не начинай опять. Люди беспокоятся».

Я убрала телефон.

Когда-нибудь мне, наверное, предстояло научиться читать его сообщения без желания немедленно оправдываться.

Сегодня я просто вернулась к работе.

Инна прислала номер адвоката накануне.

«Виктория Белова. Я уточнила, семейными делами занимается. Позвони сама, пожалуйста. И обязательно поешь перед встречей».

Последняя фраза заставила меня улыбнуться.

Подруга продолжала относиться к моему питанию с подозрением.

Я набрала номер в одиннадцать.

Ответила женщина с низким спокойным голосом.

— Белова, слушаю.

— Здравствуйте. Меня зовут Татьяна Громова. Ваш контакт дала Инна Котова.

— Да, Инна предупредила. Вам нужна консультация по расторжению брака?

Мне было странно слышать это словосочетание применительно к себе.

Расторжение брака.

Как будто речь шла о договоре аренды.

— Да. И по разделу имущества.

— Есть общие несовершеннолетние дети?

— Сыну четырнадцать.

— Понятно. Можете сегодня к четырем?

Я посмотрела на часы.

До четырех успевала закончить работу и забрать документы.

— Могу.

— Возьмите паспорт, если есть под рукой — свидетельство о браке, документы на квартиру и сведения об основных общих активах. Если чего-то не найдете, не страшно. На первой встрече разберемся с обстоятельствами.

— Хорошо.

— Татьяна, еще один вопрос. Супруг согласен на развод?

— Нет. Он надеется, что я передумаю.

— Тогда обсудим судебный порядок. До встречи.

Она отключилась.

Никаких сочувственных вздохов.

Никакого «бедная вы моя».

Просто несколько вопросов и назначенное время.

Мне неожиданно стало легче.

Пока я собирала документы, обнаружила, что даже не помню, в какой папке хранится свидетельство о браке.

Я перебрала ящик комода, открыла шкаф в прихожей и наконец нашла нужную папку в кабинете Вадима.

На ее обложке было написано крупными буквами: «СЕМЬЯ».

Муж всегда любил порядок.

Внутри лежали свидетельство о браке, копия свидетельства о рождении Марка, старые страховые бумаги, документы на квартиру и несколько ненужных уже справок.

Я села за стол и достала свидетельство.

Нашу свадьбу сыграли семнадцать лет назад, в августе.

Мне тогда было двадцать три.

Вадиму тридцать пять.

Разница в возрасте казалась совершенно незначительной. Он был взрослым, состоявшимся мужчиной, который знал, чего хочет.

А я только начинала самостоятельную жизнь и радовалась, что рядом со мной человек, не заставляющий сомневаться в завтрашнем дне.

Вадим сам занимался организацией свадьбы.

Выбирал ресторан, договаривался о машинах, составлял список гостей. Я только спорила с ним из-за музыки и количества приглашенных.

Он хотел позвать почти всех знакомых.

Я мечтала о небольшом празднике.

В итоге гостей оказалось семьдесят четыре.

Помню, как мы возвращались домой поздно ночью, снимали неудобную обувь прямо в прихожей и смеялись над тем, что кто-то из гостей умудрился подарить нам два одинаковых чайных сервиза.

Вадим тогда сказал:

— Теперь у нас будет все общее.

Мне это понравилось.

Я даже не подумала спросить, будет ли общим право принимать решения.

Закрыв папку, я убрала документы в сумку.

Затем распечатала выписки по собственному счету за несколько последних месяцев.

Мне не хотелось приходить к адвокату только с рассказом о том, каким плохим человеком оказался муж.

Нужны были цифры: сколько я зарабатывала и тратила, какие платежи приходились на квартиру, что принадлежало нам обоим.

Я открыла таблицу семейных расходов.

Вадим обычно перечислял деньги на общие нужды. Из этих средств оплачивались продукты, коммунальные услуги, поездки и часть расходов Марка.

Свои заработки я чаще оставляла на отдельном счете. Из них покупала вещи, оплачивала программное обеспечение, рабочие подписки, иногда семейные поездки.

Мы никогда не спорили из-за этих денег.

Вадим считал, что такая система удобна.

Я тоже.

Но теперь мне нужно было понять, какие средства действительно являются моими, а какие могут учитываться при разделе имущества.

Я записала вопрос в блокнот.

Следом еще один.

И еще.

К моменту выхода у меня набралось почти две страницы.

Офис Виктории Беловой находился на третьем этаже небольшого делового центра.

В приемной пахло кофе. На столике лежали журналы, которые давно перестали быть новыми, а у окна стояло растение с крупными листьями.

Я пришла на десять минут раньше.

Администратор предложила воду.

Я отказалась, но через минуту все-таки попросила стакан.

Виктория вышла ровно в четыре.

Она была невысокой, с короткими темными волосами, в серых брюках и светлой рубашке. На вид немного старше меня.

— Татьяна? Проходите.

Кабинет оказался небольшим.

Стол, два кресла, шкаф с папками. Никаких дипломов во всю стену и обязательной статуэтки Фемиды.

Виктория открыла блокнот.

— Расскажите, пожалуйста, что происходит. Начните с того, чего хотите добиться. Подробности личного конфликта обсудим, если они будут иметь значение.

Я села напротив.

— Хочу развестись. Муж против. У нас четырнадцатилетний сын, общая квартира и имущество, которое приобретали в браке.

— Сейчас проживаете вместе?

— Нет. Он временно переехал в гостиницу.

— Когда?

— Два дня назад.

— Ребенок с вами?

— Да.

— У супруга есть возражения против того, чтобы сын проживал преимущественно с вами?

— Пока он ничего определенного не говорил.

Виктория сделала пометку.

— По какой причине вы решили расторгнуть брак?

Я помолчала.

— У мужа другая женщина.

Адвокат приняла мой ответ спокойно, не задавая вопросов о возрасте любовницы.

— Он признает связь?

— Да.

— Вы хотите сохранить брак при определенных условиях или решение окончательное?

Вопрос оказался неожиданно трудным.

Не потому, что я сомневалась.

Просто никто за эти два дня не спросил меня настолько прямо, чего хочу именно я.

Мне уже объясняли, что должен сделать Вадим, что нужно Марку, что скажут родственники и какие трудности могут возникнуть.

— Решение окончательное, — ответила я.

Виктория записала еще несколько слов.

— Хорошо. Тогда обсудим порядок.

Она объясняла спокойно, иногда останавливалась, чтобы я успела записать.

Поскольку у нас был несовершеннолетний сын, расторгать брак предстояло через суд.

Если Вадим будет возражать, разбирательство может затянуться. Суд вправе дать время для примирения. Но это не означает, что муж способен заставить меня оставаться в браке бесконечно.

С квартирой все было одновременно проще и сложнее, чем я думала.

— Вы говорите, у каждого уже зарегистрирована половина? — уточнила Виктория.

— Да. Вот выписка.

Она внимательно изучила документ.

— Доли определены. Это хорошая отправная точка. Но продажу, порядок пользования и остальные имущественные вопросы все равно придется согласовывать. Если договориться не получится, будем рассматривать другие способы разрешения спора.

— Муж предлагает мне просто подождать.

— Чего?

— Пока он решит, что делать со своей жизнью.

Виктория подняла глаза.

— А вы готовы ждать?

— Нет.

— Тогда в юридическом смысле это не препятствие для подачи заявления.

Она вернулась к документам.

Мы обсудили машину Вадима, накопления и бытовые вещи.

Выяснилось, что мне стоило собрать больше сведений, прежде чем соглашаться на какие-либо расчеты.

— Он может забрать мои деньги со счета? — спросила я.

— Снять их без доступа к счету — другой вопрос. Но при разделе имущества может иметь значение, когда и за счет каких доходов сформировались накопления. Не следует считать все на личном счете автоматически не подлежащим разделу.

Я почувствовала раздражение.

— Даже если я сама заработала эти деньги?

— Нужно учитывать режим имущества супругов. Мы отдельно посмотрим документы и возможные исключения. Я не хочу давать вам упрощенный ответ, который потом окажется неверным.

Это было неприятно.

Но по крайней мере честно.

Я записала вопрос о счетах.

Потом спросила о Марке.

— Он сможет остаться жить со мной?

Виктория отложила ручку.

— Сейчас он с вами. Вы говорите, что оба родителя способны обеспечить ему нормальные условия. Если возникнет спор, будут учитываться обстоятельства жизни ребенка, его привязанности, мнение с учетом возраста и другие факторы. Это не автоматическая победа того, кто больше зарабатывает.

— Вадим получает значительно больше.

— Это само по себе не делает его более подходящим родителем. Но я бы не советовала вам заранее строить конфликт там, где его пока нет.

Я кивнула.

— Я не хочу запрещать сыну общаться с отцом.

— И правильно. Вопросы ваших супружеских отношений и отношений ребенка с отцом необходимо разделять.

Я помолчала.

— Он использовал сына, чтобы скрывать измену.

Виктория посмотрела на меня внимательнее.

— Что именно происходило?

Я коротко объяснила.

Про сообщения.

Про встречи.

Про то, что Марк несколько раз говорил мне неправду по просьбе отца.

Адвокат выслушала.

— Понимаю, почему это вас беспокоит. Но давайте различать эмоциональную оценку поступка и юридические последствия. Не каждая плохая семейная история автоматически становится основанием ограничивать общение родителя с ребенком.

— Я и не хочу ограничивать.

— Тогда лучше сразу исходить из того, что Марк не должен становиться посредником между вами.

Я посмотрела в блокнот.

На одной странице рядом стояли слова «квартира», «счета» и «Марк».

Мне захотелось их разделить.

Как будто так было возможно отделить сына от всех неприятностей, которые мы создавали.

— Еще один вопрос, — сказала я. — Муж считает, что раз он обеспечивал семью, то может сам определить условия развода.

Виктория чуть приподняла брови.

— Определить условия может соглашение сторон либо решение суда по спорным вопросам. Высокий доход не заменяет ни того, ни другого.

Я невольно улыбнулась.

— Вы говорите так спокойно.

— Я сейчас на работе, Татьяна. Мне проще.

Она сделала небольшую паузу.

— Вы тоже работаете, насколько я поняла?

— Переводчиком. Уже двенадцать лет.

— Постоянно?

— Да. У меня несколько заказчиков.

— Тогда почему вы так уверены, что муж полностью обеспечивал семью?

Я растерялась.

— Я не уверена. Просто он зарабатывал больше.

— Это разные вещи.

Я опустила глаза.

Это действительно были разные вещи.

Но я давно привыкла произносить: «Основной доход у Вадима».

Как будто мой доход был не настоящим, а дополнительным.

Хотя именно за счет моей работы мы несколько лет подряд оплачивали летние занятия Марка, покупали технику и ездили в короткие поездки.

Вадим никогда не запрещал мне работать.

Просто не особенно интересовался, чем именно я занимаюсь.

Он мог зайти в спальню во время созвона и спросить, не видела ли я его ключи.

Мог попросить быстро посмотреть какой-нибудь документ, потому что я «все равно дома».

Мог удивиться, если в выходные я отказывалась ехать с ним по делам из-за рабочего срока.

Раньше я объясняла это тем, что он далек от моей профессии.

Сейчас впервые подумала, что дело было не только в профессии.

— Я бы посоветовала вам не принимать никаких имущественных предложений без проверки, — продолжила Виктория. — И не пытаться решать все одновременно.

— А что сначала?

— Расторжение брака. Параллельно — сбор документов и обсуждение вопросов, касающихся ребенка. Имущество можно урегулировать отдельно.

Она перечислила, что еще понадобится.

Мы обсудили стоимость работы, возможные расходы и порядок подготовки заявления.

В конце Виктория спросила:

— Вы готовы начать сейчас?

Я посмотрела на свой блокнот.

На документы.

На телефон, который за время консультации ни разу не зазвонил.

— Да.

— Тогда подготовим заявление. Я направлю вам проект для проверки. После этого согласуем подачу.

Мы подписали договор на юридическую помощь.

Когда я вышла на улицу, дождь уже закончился.

Я стояла возле делового центра и пыталась определить, что чувствую.

Облегчение?

Страх?

Наверное, и то и другое.

В руках у меня была папка с документами.

Впервые за несколько дней появилось не просто желание уйти, а понимание, какие конкретные действия для этого нужны.

Вадим позвонил вечером.

Я как раз нарезала овощи для салата.

Марк сидел за столом и пытался объяснить Илье по видеосвязи, почему их конструкция не будет работать.

— Если поставить датчик здесь, дверь начнет закрываться раньше, чем человек пройдет! — говорил он.

Из телефона доносился возмущенный голос Ильи:

— Я тебе вчера показывал, что там можно задержку сделать!

— А если кто-нибудь остановится?

— Тогда датчик его увидит!

— Не увидит, если мы его неправильно закрепим!

Я улыбнулась.

Последние два дня Марк почти не разговаривал об отце. Зато обсуждал проект с таким увлечением, что несколько раз забывал поесть.

Телефон завибрировал.

На экране появилось имя мужа.

Я вышла в коридор.

— Да, Вадим.

— Привет. Как Марк?

— Сейчас занимается проектом с Ильей.

— Я ему звонил, он не ответил.

— Возможно, не слышал. У них видеосвязь.

— Ты можешь сказать ему, чтобы перезвонил?

— Конечно.

Муж помолчал.

— А ты как?

Я прислонилась к стене.

— Нормально.

— Работала сегодня?

— Да.

— Много заказов?

— Достаточно.

Вадим никогда раньше не интересовался количеством моих заказов в таком порядке.

Обычно спрашивал, закончила ли я, если хотел куда-нибудь поехать.

— Таня, — произнес он после паузы, — может, хватит уже этой глупости?

Я закрыла глаза.

— Какой?

— Ну, с отдельным проживанием.

— Мы только два дня живем отдельно.

— Вот именно. Два дня. Достаточно, чтобы успокоиться и начать разговаривать нормально.

— Мы сейчас разговариваем нормально.

— По телефону. А я хочу дома.

Я не сразу ответила.

— Вадим, мы договаривались, что ты поживешь отдельно.

— Я и пожил. Что это изменило?

Я посмотрела на закрытую дверь спальни.

— Для меня многое.

— Что именно?

— У меня появилась возможность спокойно подумать.

Он помолчал.

— И к чему ты пришла?

— К тому же решению.

— Господи, Таня.

Я услышала, как он чем-то стукнул по столу.

Наверное, положил ключи.

— Ты не можешь принимать такие решения в одиночку.

— Почему?

— Потому что это касается нас обоих.

— Я не могу заставить тебя прекратить отношения с Ксенией. Но могу решить, хочу ли оставаться твоей женой.

— Опять она.

Я невольно усмехнулась.

— Да, Вадим. Опять она. Потому что она существует.

Муж вздохнул.

— Мы могли бы все обсудить за ужином.

— Что именно?

— Наше будущее.

— Ты хочешь развестись?

— Нет.

— Ты хочешь закончить отношения с Ксенией?

Он помолчал.

— Таня, я не готов сейчас обсуждать детали.

— Тогда что изменилось?

Вадим раздраженно выдохнул.

— Ты специально загоняешь разговор в тупик.

Я посмотрела на экран телефона.

Продолжительность звонка — четыре минуты.

Еще недавно я могла провести так целый час.

Задавать вопросы.

Слушать, почему задаю их неправильно.

Пытаться объяснить, что мне больно.

И в итоге извиниться за резкий тон.

— Вадим, мне нужно готовить ужин, — сказала я. — Если хочешь поговорить с Марком, я передам, что ты звонил.

— А со мной ты теперь вообще не собираешься разговаривать?

— О сыне, документах и необходимых делах — собираюсь.

— Прекрасно.

— Вадим...

— Нет, Таня, я все понял. Ты решила показать характер.

Он отключился.

Я стояла в коридоре, держа телефон.

Потом вернулась на кухню.

Марк все еще спорил с Ильей.

— Нет, ты слушай! Если человек остановится посередине, что произойдет?

Из телефона донеслось:

— Ничего не произойдет, если ты перестанешь подключать провода куда попало!

— Я их не куда попало подключаю!

Я поставила тарелки на стол.

— Мальчики, а если проверить оба варианта?

Они одновременно ответили:

— Мам!

И:

— Татьяна Сергеевна, мы уже проверяли!

Я рассмеялась.

— Хорошо. Тогда продолжайте.

Марк посмотрел на меня.

— Что папа хотел?

— Узнать, как у тебя дела. Просил перезвонить, когда освободишься.

Сын кивнул.

— Потом.

Я не стала уточнять, когда именно.

В пятницу после обеда Марк попросил меня приехать в школу.

— Зачем? — спросила я.

— У нас опять проблема с креплениями.

— Марк, я же не инженер.

— Я знаю. Но Елена Петровна сказала, что родители должны посмотреть, какие детали мы собираемся использовать. Там нужно заказать кое-что.

— А папа Ильи?

— Он тоже приедет.

Я посмотрела на часы.

Рабочий срок был только вечером. Если выехать сейчас, я успевала.

— Хорошо. Через сорок минут буду.

— Только не опаздывай.

— Это ты мне говоришь?

— Мам, сейчас не время вспоминать прошлую неделю.

Я улыбнулась.

Марк отключился.

Переодеваясь, я поймала себя на том, что впервые за несколько дней внимательно смотрю в зеркало.

На мне были обычные темные джинсы и светлая блузка. Волосы я собрала в низкий хвост. Лицо выглядело уставшим.

Ничего удивительного.

Я достала тушь, немного подкрасила ресницы и нанесла помаду.

Не хотелось идти в школу с видом человека, который снова не выспался.

Когда я приехала, мальчики уже ждали в кабинете робототехники.

На столе лежала небольшая конструкция из пластиковых деталей, проводов и двух подвижных створок.

Рядом стоял Алексей Седов.

Я знала его около трех лет.

Наши сыновья подружились еще в пятом классе. Сначала вместе делали школьные задания, потом записались на робототехнику и начали проводить друг у друга выходные.

С Алексеем мы встречались на родительских собраниях, школьных мероприятиях и несколько раз на соревнованиях.

Он всегда здоровался первым, помнил мое имя и никогда не задавал лишних вопросов.

Высокий, широкоплечий, с темными волосами, в которых уже появилась седина.

Сегодня на нем были темные брюки и простая синяя рубашка с закатанными рукавами.

Он стоял возле стола и внимательно слушал объяснения Ильи.

— Здравствуйте, — сказала я.

Алексей обернулся.

— Добрый день, Татьяна. Вас тоже вызвали на технический совет?

— Меня вызвали как человека с банковской картой.

Он усмехнулся.

— Значит, мы здесь по разным специальностям.

— А вы по какой?

— По специальности «не мешать детям делать проект».

— Похоже, сложная.

— Самая сложная из всех, что у меня были.

Марк подошел ко мне.

— Мам, смотри.

Он нажал кнопку на маленькой панели.

Створки модели разъехались в стороны.

Потом начали закрываться.

Марк подставил между ними ластик.

Одна створка остановилась, другая дернулась и продолжила движение, пока мальчик не выключил питание.

— Видишь? — спросил он.

— Вижу. Она пытается зажать ластик.

— Вот! А Илья говорит, что это просто проблема настройки.

— Потому что так и есть, — возмутился Илья.

Алексей посмотрел на сына.

— Что именно вы хотите исправить?

— Чтобы обе створки останавливались одновременно.

— И?

— И чтобы система понимала, когда между ними препятствие.

— Хорошо. А что сейчас мешает?

Мальчики переглянулись.

— Крепления, — сказал Марк.

— Не только крепления, — возразил Илья.

— Ну, и задержка.

Алексей присел возле стола.

— Вы можете сначала показать схему, а потом объяснить, почему считаете, что виноваты именно крепления?

Марк достал планшет.

Илья сразу начал говорить быстрее.

Я отошла к окну.

Мне было приятно видеть сына таким увлеченным.

Еще утром он почти не разговаривал. А сейчас спорил, объяснял, показывал чертежи и даже улыбался.

В кабинет вошла Елена Петровна, руководитель кружка.

Она поздоровалась со мной и подошла к мальчикам.

— Ну что, нашли проблему?

— Почти, — ответил Алексей.

— Это они вам сказали или вы сами решили?

— Я пока только задаю вопросы.

Елена Петровна одобительно кивнула.

— Вот и правильно. А то они уже третий день требуют, чтобы взрослые все за них сделали.

Марк возмутился:

— Мы не требуем!

— Конечно. Вы просто каждый раз приносите мне список того, что кто-нибудь должен купить, принести и прикрутить.

Я не удержалась от улыбки.

Сын заметил.

— Мам, не надо.

— Я ничего не говорю.

Алексей поднялся.

— Давайте так. Сначала вы проверяете расположение датчика и согласованность движения створок. Потом решаете, какие крепления действительно нужны. Если выяснится, что без новых деталей не обойтись, посмотрим варианты.

— А у тебя на работе есть такие? — спросил Илья.

— Может быть. Но это не значит, что я могу просто взять их домой.

Марк нахмурился.

— Почему?

— Потому что они принадлежат компании.

— А если попросить?

— Тогда нужно выяснить, можно ли получить образцы официально. Но сначала убедитесь, что они подходят.

Илья закатил глаза.

— Ты всегда все усложняешь.

Алексей посмотрел на него.

— Я? Ты уже три дня пытаешься убедить всех, что конструкция работает, хотя она пережевывает школьные ластики.

Я засмеялась.

Марк тоже.

Илья поморщился.

— Она один раз зажала ластик.

— Два, — поправил Марк.

— Второй раз не считается!

— Почему?

— Потому что ты неправильно его поставил!

Спор возобновился.

Елена Петровна предложила мальчикам проверить модель с другими настройками.

Они наконец ушли к компьютеру.

Я осталась возле окна вместе с Алексеем.

— Вы всегда так спокойно разговариваете с Ильей? — спросила я.

— Нет.

— А когда не спокойно?

— Когда нахожу разобранный тостер на кухонном столе и записку «пап, не включай».

Я рассмеялась.

— Марк однажды разобрал мой фен.

— Починил?

— Он сказал, что теперь тот работает лучше. Но почему-то после ремонта у меня осталось три лишних винтика.

Алексей покачал головой.

— Выбросили?

— Фен или винтики?

— Надеюсь, фен.

— Конечно. А винтики до сих пор лежат в коробке. На всякий случай.

Он улыбнулся.

У него была спокойная, немного насмешливая улыбка.

Я раньше ее замечала, но почему-то не придавала значения.

Наверное, просто не смотрела на него достаточно внимательно.

Алексей посмотрел на работающих мальчиков.

— Илья говорит, Марк в последнее время какой-то напряженный.

Я насторожилась.

— Говорит?

— Да. Они вчера поспорили из-за ерунды. Обычно через пять минут мирятся, а тут почти весь вечер не разговаривали.

— У нас дома сейчас непростой период.

Алексей кивнул.

Не стал спрашивать, что случилось.

За это я была ему благодарна.

— Надеюсь, у мальчиков все наладится, — сказал он.

— Я тоже.

Мы помолчали.

Потом я спросила:

— А вам часто приходится приезжать сюда после работы?

— Периодически. Особенно когда Илья объявляет, что без моего участия технический прогресс остановится.

— А вы кем сейчас работаете? Вы когда-то рассказывали, но я забыла.

— Главным инженером в компании, которая занимается оборудованием общественных пространств. Входные группы, автоматические системы, кое-что для доступной среды.

Я посмотрела на модель дверей.

— Поэтому они и выбрали именно такой проект?

— Отчасти. Илья видел несколько систем у меня на работе, когда приезжал в гости.

Потом они с Марком решили, что смогут сделать уменьшенную версию.

— Смелое решение.

— Очень. Особенно учитывая, что инструкции они читают только после того, как что-нибудь перестает работать.

Я улыбнулась.

— Вы сейчас говорите как родитель или как инженер?

— Как человек, которому потом придется искать второй фен.

Я снова рассмеялась.

На этот раз громче, чем собиралась.

Алексей посмотрел на меня с легким удивлением.

— Простите, — сказала я. — Просто представила Марка с этим феном.

— Не извиняйтесь. Хорошо, когда дети увлекаются чем-то полезным. Даже если страдает бытовая техника.

Мне стало неожиданно легко.

Мы говорили ни о Вадиме, ни о разводе.

Не обсуждали, как мне теперь жить.

Просто стояли возле окна и шутили о наших сыновьях.

Я не помнила, когда в последний раз так разговаривала с мужчиной, не пытаясь угадать его настроение.

— Мам, — позвал Марк, — вы можете подойти?

Мы вернулись к столу.

Мальчики изменили расположение датчика.

Теперь створки останавливались, когда между ними появлялось препятствие.

Правда, иногда одна из них начинала двигаться с небольшой задержкой.

— Вот! — сказал Илья. — Я говорил, что проблема не только в креплениях!

— А я говорил, что датчик стоит неправильно! — возразил Марк.

Алексей посмотрел на результат.
— Уже лучше. Что будете делать дальше?
Мальчики одновременно начали объяснять.
Я слушала их, понимая примерно половину.
Но главное было ясно.
Они нашли решение сами.
Без того, чтобы взрослые немедленно купили все необходимое и сделали за них работу.
Когда мы собрались уходить, Алексей придержал для меня дверь.
— Спасибо, — сказала я.
— Не за что.
Марк с Ильей шли впереди, обсуждая настройки.
Мы с Алексеем спускались по лестнице немного медленнее.
— Вы сегодня очень выручили мальчиков, — сказала я.
— Они сами справились.
— Без ваших вопросов могли бы еще неделю спорить.
— Возможно. Но это тоже часть работы.
Я усмехнулась.
— Вы всегда такой терпеливый?
— Нет. Илья утверждает, что после восьми вечера со мной лучше не обсуждать покупку новых деталей.
— Почему?
— Потому что после восьми я начинаю считать, сколько денег уже потрачено на детали, которые оказались не нужны.
Я улыбнулась.
На улице заметно похолодало.
Марк стоял возле машины Алексея вместе с Ильей.
— Мам, можно мы завтра после школы к ним? — спросил он.
Я посмотрела на Алексея.
— Если вы не против.
— Не против. Только пусть сначала договорятся, что именно собираются делать, а не разбирают дома всю технику.
— Договорились, — быстро сказал Илья.
Марк кивнул.
Я знала этот тон.
Они уже что-то задумали.
Мы попрощались.
Когда я садилась в машину, Алексей вдруг сказал:
— Татьяна.
Я обернулась.
— Да?
Он немного помедлил.
— Если ребятам понадобятся материалы или помощь с заказом деталей, напишите.
Только пусть сначала составят нормальный список.
— Хорошо. Спасибо.
— И не переживайте так из-за модели. Они почти закончили.
Я кивнула.
Алексей улыбнулся.
— До встречи.
— До встречи.

Я села за руль.

Марк пристегнулся и сразу достал телефон.

— Мам, он классный, да?

Я посмотрела на сына.

— Кто?

— Папа Ильи.

— Да. Приятный человек.

— Он в технике очень хорошо разбирается. Илье повезло.

Я завела двигатель.

— А тебе?

Марк посмотрел на меня с удивлением.

— Что?

— Тебе с папой повезло?

Он замолчал.

Я сразу пожалела о вопросе.

Не потому, что он был неправильным.

Просто сегодня это была тема, которую сыну явно не хотелось обсуждать.

— Не отвечай, — сказала я. — Я неудачно спросила.

Марк отвернулся к окну.

Несколько минут мы ехали молча.

Потом он тихо произнес:

— Раньше повезло.

Я крепче сжала руль.

— Марк...

— Мам, только не надо сейчас.

— Хорошо.

Он снова посмотрел в телефон.

Я не стала продолжать.

Но его слова остались со мной до самого дома.

Вечером я позвонила Инне.

Она ответила на третьем гудке.

— Ну что, была у Виктории?

— Да.

— Как впечатление?

— Нормальная.

— Это вся твоя оценка?

— А что ты хочешь услышать?

— Не знаю. Что она грамотная, все объяснила, не предлагала немедленно продать квартиру за три копейки.

Я усмехнулась.

— Тогда да. Все объяснила. Документы посмотрела. Сказала не принимать никаких предложений без проверки.

— Отлично. Что дальше?

— Готовим заявление на развод.

Инна помолчала.

— Тань, ты действительно решила?

Я села на край кровати.

— Да.

— Хорошо.

— Ты не будешь меня отговаривать?

— А зачем?

— Все остальные почему-то считают, что я должна подумать еще.

— Ты уже думала. И сейчас думаешь.

Я посмотрела в окно.

— Вадим тоже говорит, что я тороплюсь.

— А он не торопился заводить любовницу?

— Инна.

— Что? Я просто уточняю хронологию.

Я улыбнулась.

Подруга умела быть резкой.

Иногда слишком.

Но сейчас мне была нужна именно ее прямота.

— Он рассказывает знакомым, что мы просто устали друг от друга, — сказала я.

— Конечно. Очень удобная версия.

— Лариса Павловна в среду звонила. Приглашала нас в гости, чтобы мы помирились.

— И что ты ответила?

— Отказалась.

— Молодец.

— Не надо меня хвалить за то, что я не пошла в гости.

— Тогда буду хвалить за что-нибудь другое. Ты сегодня обедала?

Я рассмеялась.

— Да, Инна. Обедала.

— Вот теперь молодец.

Мы поговорили еще немного.

Она рассказала о дочерях, которые поссорились из-за одной кофты. Потом пожаловалась на сотрудника, приславшего ей документы без подписей.

Я слушала и чувствовала, как постепенно возвращается привычная жизнь.

Пусть совсем ненадолго.

Когда мы попрощались, я открыла письмо от Виктории.

Она уже прислала список недостающих документов и несколько уточняющих вопросов.

Я села за компьютер.

Заполнила сведения.

Проверила даты.

Нужно было указать дату заключения брака, данные сына, адреса и сведения о супруге.

Оказалось удивительно трудно написать рядом с именем Вадима слово «ответчик».

Я несколько минут смотрела на него.

Потом сохранила документ.

Вадим был моим мужем семнадцать лет.

Теперь в заявлении о разводе он становился ответчиком.

И мне предстояло привыкнуть к тому, что это не просто новое слово.

В понедельник я приехала в суд с подготовленным заявлением.

Виктория заранее объяснила, какие документы нужны и как подать их через приемную. Мы проверили комплект и договорились, что по имущественным вопросам продолжим работать отдельно.

Я стояла в коридоре и ждала своей очереди.

Рядом женщина с двумя маленькими детьми пыталась найти в сумке паспорт. Мужчина в сером пальто разговаривал по телефону и раздраженно повторял, что уже приехал. У окна сидела пожилая пара.

Никто не выглядел особенно торжественно.

Никто не объявлял, что сейчас принимает судьбоносное решение.

Люди просто занимались своими делами.

Мне почему-то стало легче от этой обычности.

Когда подошла моя очередь, я передала документы сотруднице.

Она проверила комплект, уточнила несколько данных и поставила отметку о приеме на моем экземпляре.

Все заняло несколько минут.

Я вышла из здания и остановилась у машины.

В руках у меня был лист бумаги.

Я ожидала, что почувствую что-то необыкновенное.

Возможно, освобождение.

Или ужас.

Но прежде всего хотелось пить.

Я открыла бутылку воды, сделала несколько глотков и посмотрела на часы.

Было половина двенадцатого.

До рабочего звонка оставалось почти два часа.

Я могла успеть домой.

Могла пообедать.

Могла продолжить перевод.

Мир не остановился.

Я села в машину.

И только когда завела двигатель, поняла, что больше не жду, когда Вадим сам решит, как нам жить.

Я уже начала действовать.

Вечером муж приехал без предварительного звонка.

Точнее, позвонил в домофон.

Я открыла, решив, что он приехал к Марку.

Сын как раз сидел у себя и собирал небольшой узел для модели.

Вадим поднялся через несколько минут.

На нем было дорогое темное пальто, в руках пакет с фруктами и коробка печенья.

Он вошел, снял обувь и посмотрел вокруг.

— Что-то у вас тихо.

— Марк занимается.

— Я ему писал. Он сказал, что занят.

Я кивнула.

Вадим поставил пакет на тумбочку.

— Кроме Марка, никого нет?

— Нет.

Он посмотрел на меня.

— Можем поговорить?

Я помолчала.

— О чем?

— Таня, ну сколько можно?

Я отошла в сторону.

— Проходи на кухню.

Муж снял пальто и повесил его на привычный крючок.

Я заметила, что сделала движение, собираясь взять его сумку.

Остановилась.

На кухне Вадим снял пиджак, повесил на спинку стула и сел на свое обычное место.

— Чай будешь? — спросила я.

Он посмотрел на меня с легким облегчением.

— Буду.

Я поставила чайник.

Мы собирались разговаривать, и мне самой хотелось чаю.

Когда я поставила чашки на стол, Вадим начал:

— Таня, я тут подумал.

Я села напротив.

— Слушаю.

— Мы слишком резко отреагировали.

Я не ответила.

— Я понимаю, что виноват. Не надо сейчас на меня так смотреть.

— Как?

— Как на преступника.

Я отпила чай.

— Я просто слушаю.

Он помолчал.

— Мы взрослые люди. У нас сын. Семнадцать лет брака. Неужели нельзя решить эту ситуацию так, чтобы никто не пострадал?

Я поставила чашку.

— Ты предлагаешь закончить отношения с Ксенией?

Вадим нахмурился.

— Давай сначала обсудим нас.

— Хорошо. Что именно?

— Я могу вернуться домой.

Я посмотрела на него.

— Зачем?

Он удивился.

— В каком смысле?

— Зачем ты хочешь вернуться?

— Это мой дом.

— Я знаю.

— Здесь моя семья.

— Марк здесь. Я тоже. Но мы сейчас не живем как муж и жена.

Вадим нетерпеливо постучал пальцами по столу.

— Таня, я не хочу из-за одной ошибки терять все.

— Тогда что ты собираешься изменить?

Он снова замолчал.

Я уже знала этот момент.

Сейчас муж начнет говорить о том, что ему требуется время.

Что я давлению.

Что нельзя принимать решения на эмоциях.

Но на этот раз он неожиданно спросил:

— Ты не ходила ни к каким юристам?

Я посмотрела на него.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что надеюсь, что ты не стала заниматься ерундой.

Я медленно выдохнула.

— Вадим, консультация адвоката — не ерунда.

Он нахмурился.

— Значит, ходила.

— Да.

— И что тебе там наговорили?

— Объяснили порядок расторжения брака и вопросы, связанные с имуществом и Марком.

Вадим откинулся на спинку стула.

— Прекрасно.

— Что именно тебя не устраивает?

— То, что ты привлекла постороннего человека к нашим семейным вопросам.

— Я обратилась к специалисту, чтобы понимать свои права.

— Можно было спросить у меня.

— Я спрашивала у тебя, Вадим. Ты говорил, что я ничего не понимаю и без тебя не справлюсь.

Он раздраженно махнул рукой.

— Я не это имел в виду.

— Возможно. Но мне нужен независимый совет.

Вадим несколько секунд смотрел на меня.

Потом усмехнулся.

— Наверняка тебе уже рассказали, как можно забрать у меня половину всего, что я заработал.

Я не сразу нашла ответ.

— У нас с тобой общая квартира. Имущество мы будем обсуждать отдельно.

— А ты уже решила, что тебе должна достаться половина?

— В квартире у нас уже оформлено по половине.

— Потому что я так захотел!

Я почувствовала, как напряглась.

— И что это меняет?

— То, что я никогда ничего от тебя не скрывал. Все оформлял честно. Обеспечивал семью. А теперь ты решила со мной судиться.

Я посмотрела на него.

— Вадим, ты десять минут назад сказал, что хочешь вернуться домой.

Он замолчал.

— Ты хочешь вернуться к женщине, которую обвиняешь в попытке забрать твоё имущество?

— Таня, не передергивай.

— Тогда давай не будем обсуждать квартиру вместо нашего брака.

Муж потер лицо ладонями.

Впервые за вечер он выглядел по-настоящему уставшим.

— Я не понимаю, что с тобой случилось.

Мне стало грустно: похоже, он действительно не понимал.

Все семнадцать лет ему казалось, что я буду рядом, даже если он не объяснит, что делает.

Соглашусь подождать, пойму, приму, подстроюсь.

А теперь, когда я перестала это делать, Вадим смотрел на меня так, словно я превратилась в совершенно другого человека.

— Ничего необычного со мной не случилось, — ответила я. — Просто я больше не хочу жить в браке, в котором у мужа есть другая женщина.

Он долго молчал.

Потом спросил:

— Ты уже подала заявление?

Я посмотрела на стоявшую перед ним чашку.

Чай почти остыл.

Несколько недель назад такой разговор показался бы мне невозможным.

Я обязательно попыталась бы смягчить ответ.

Сказала бы, что пока консультируюсь.

Что еще есть время.

Что мы можем обсудить варианты.

Но сейчас мне не хотелось ни смягчать, ни откладывать.

— Да, Вадим.

Он замер.

— Что значит «да»?

— Сегодня утром я подала заявление о расторжении брака в суд.

Муж медленно поставил чашку на стол.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Не обсудив со мной?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Я сообщила тебе о своем решении еще на прошлой неделе.

Вадим молчал.

Впервые за все дни после нашего разговора он не нашел, что сказать сразу.

А я поняла, что больше не боюсь этой паузы.

Глава 4. Не надо меня жалеть

Вадим еще несколько секунд смотрел на меня, словно ждал, что я улыбнусь и признаюсь в неудачной шутке.

— Сегодня утром? — переспросил он.

— Да.

— И когда ты собиралась мне сообщить?

Я посмотрела на его чашку. Чай давно остыл, но муж продолжал держать ее за ручку.

— Сейчас и сообщаю.

— Таня, не надо издеваться.

— Я не издеваюсь.

Вадим отставил чашку и потянулся за телефоном.

— Кто твой адвокат?

— Зачем тебе?

— Хочу понимать, с кем придется разговаривать.

— Виктория Белова.

Он быстро записал имя.

— Где работает?

— Вадим, если тебе понадобится ее контакт, я дам. Но она представляет мои интересы.

Муж поднял голову.

— Ты уже начала делить нас на противников?

— Нет. Я обратилась к специалисту, потому что не знаю всех юридических вопросов.

— Можно было спросить у меня.

Я почувствовала усталость.

— Мы уже это обсуждали.

Он посмотрел на меня, затем убрал телефон.

— Заявление еще можно забрать.

— Знаю.

— Значит, не все потеряно.

Я промолчала.

Он придвинулся ближе.

— Таня, я понимаю, что обидел тебя. Но семнадцать лет нельзя вычеркивать из-за нескольких месяцев.

Мне захотелось спросить, почему он сам не вспомнил об этих семнадцати годах, когда начал встречаться с Ксенией.

Но мы уже много раз возвращались к одному и тому же.

— Я не вычеркиваю наше прошлое, — сказала я. — Просто не хочу продолжать наш брак.

Вадим потер переносицу.

— Ты ведь даже не представляешь, насколько изменится твоя жизнь.

— Представляю не все. Поэтому и наняла адвоката.

— Опять ты про адвоката.

— Потому что сейчас мы говорим о разводе.

Он резко поднялся.

Я осталась сидеть.

Раньше, когда Вадим вставал посреди разговора, я тоже поднималась. Пыталась остановить его, объяснить, что не хотела ссориться, предложить вернуться к обсуждению.

Теперь я просто смотрела, как он снимает со спинки стула пиджак.

— Хорошо, — сказал муж. — Поступай как знаешь.

— Я так и собираюсь.
— Только Марка в это не втягивай.
Я подняла голову.
— Что?
— Не нужно настраивать его против меня. Наши с тобой отношения его не касаются.
На секунду я перестала понимать, о чем он говорит.
Потом медленно встала.
— Вадим, наш сын несколько недель говорил мне неправду по твоей просьбе.
— Я уже объяснил обстоятельства.
— Ты ничего не объяснил.
— Таня...
— Он боится, что ты перестанешь с ним разговаривать. Думает, что из-за него мы разошлись. И после всего этого ты просишь меня не втягивать его в наши отношения?
Вадим застегнул пиджак.
— Не надо драматизировать. Я с ним поговорю.
— Поговори. Только не требуй от него выбирать между нами.
Муж посмотрел на меня с раздражением.
— Я никогда этого не требовал.
— Тогда нам не о чем спорить.
Он направился в коридор.
Я пошла следом, чтобы закрыть дверь.
У порога Вадим остановился.
— Ты очень пожалеешь, что не захотела договориться по-хорошему.
Я посмотрела на него.
— Мы еще можем договориться по-хорошему. О Марке, квартире, вещах. Но оставаться твоей женой я не буду.
Муж несколько секунд стоял неподвижно.
Потом взял пальто и вышел.
На тумбочке остался пакет с фруктами, который он принес.
Я заглянула внутрь.
Яблоки, груши, два апельсина.
Вадим знал, что я люблю груши.
Причем выбирал всегда хорошие, твердые, которые можно оставить на пару дней.
Я поставила пакет на кухонный стол.
Потом отнесла чашки в раковину. И только когда включила воду, чтобы вымыть их, заметила, что у меня дрожат руки.

В среду утром я получила письмо от заказчика, который требовал переделать почти весь перевод.

Он утверждал, что в инструкции к вентиляционной установке «недостаточно понятным языком описан порядок обслуживания».

Я открыла оригинал.

В английском тексте нужный раздел занимал три страницы. На первой автор ссылался на рисунок, которого в документе не было. На второй использовал обозначение детали, отсутствовавшее в перечне оборудования. На третьей предлагал выполнить действие, не объясняя, как получить доступ к нужному узлу.

Я потратила сорок минут, чтобы составить заказчику письмо.

Написала, что могу исправить русский текст, но сначала мне понадобится уточнение к исходной документации.

Ответ пришел почти сразу.

«У других переводчиков подобных вопросов не возникает».

Я откинулась на спинку кресла.

Вот это было знакомо.

Когда человеку не хотелось разбираться в собственных ошибках, проще было объявить слишком требовательным того, кто их заметил.

Я уже собиралась написать длинный ответ, но вовремя остановилась.

Открыла исходную таблицу.

Выписала три конкретных несоответствия.

Приложила скриншоты.

Попросила уточнить, какая версия документа является окончательной.

Через час заказчик извинился.

Оказалось, отдел разработки отправил ему старую инструкцию, а актуальная находилась у другого сотрудника.

Я получила новый файл.

Работы стало меньше.

И заодно появилась возможность выставить счет за дополнительную проверку.

Обычно я бы не стала этого делать. Решила бы, что неудобно брать деньги за несколько писем и уточнений.

Но сегодня отправила расчет.

Через десять минут его согласовали.

Я сидела перед компьютером и улыбалась.

Маленькая победа, особенно приятная оттого, что совсем не связана с разводом.

Около полудня позвонила Инна.

— Ты занята?

— Работаю.

— Тогда быстро. Как дела с документами?

— Заявление приняли. Жду уведомления.

— Вадим знает?

— Да.

— Что сказал?

— Ничего нового.

Подруга хмыкнула.

— Слушай, я тут подумала. Может, тебе приехать к нам в субботу? Девочки будут у бабушки, Олег уедет к брату. Посидим спокойно.

— Спасибо, но пока не знаю. Марк собирался заниматься проектом.

— Ты можешь привезти его к нам. Правда, у меня дома из техники только принтер, и тот работает через раз.

Я засмеялась.

— Лучше не надо. Они с Ильей могут попытаться его усовершенствовать.

— Вот этого мне только не хватало.

Мы поговорили еще несколько минут.

Инна рассказала, что младшая дочь потеряла сменную обувь, а старшая отказывается носить осеннюю куртку, потому что та «выглядит как вещь для взрослых».

— Мне кажется, я слишком рано начала мечтать о спокойных подростковых годах, — пожаловалась подруга.

— Ты когда-нибудь о них мечтала?

— Нет. Но теперь хочу хотя бы сделать вид.

После разговора я вернулась к переводу.

В два часа Марк прислал сообщение.

«Мам, я после кружка к Илье. Можно?»

Я ответила:

«Да. Во сколько вернешься?»

«К семи. Может, чуть раньше».

Следом пришло еще одно:

«Папа опять спрашивал, почему я не хочу с ним встречаться».

Я долго смотрела на экран.

Потом набрала:

«Ты сам решаешь, когда готов встретиться. Если хочешь, можешь сказать ему, что тебе нужно время».

Марк поставил реакцию в виде поднятого большого пальца.

Я отложила телефон.

Через несколько минут он снова написал:

«А ты не будешь против, если я в субботу к нему поеду?»

Я ответила сразу:

«Не буду. Это ваши с папой отношения».

Сын прочитал.

Больше сообщений не присылал.

Я вернулась к работе, но мысли уже занимала суббота.

Мне хотелось, чтобы Марк снова мог спокойно встречаться с отцом.

При этом я боялась, что Вадим воспользуется встречей для разговоров обо мне.

Не потому, что сын обязательно поверит.

А потому, что ему снова придется слушать то, чего ребенок вообще не должен обсуждать с родителями.

Я открыла контакты и нашла номер мужа.

Несколько секунд думала, стоит ли звонить.

Потом решила не делать этого.

Марку четырнадцать, Вадим — взрослый человек.

Я не могла контролировать каждую их беседу.

И не хотела превращать сына в человека, который после встречи с отцом обязан отчитываться перед матерью о каждом сказанном слове.

Это было бы слишком похоже на то, что я сама осуждала.

В пятницу Вадим позвонил около четырех.

— Таня, я через полчаса приеду за вещами.

— Хорошо.

— Ты дома?

— Да.

— Марк?

— У Ильи. Они заканчивают какую-то часть проекта.

— Отлично. Значит, сможем поговорить спокойно.

Я закрыла глаза.

— Вадим, я думала, ты приедешь за зимними вещами.

— Именно. И поговорим.

— Если речь о разводе, мое решение не изменилось.

— Не начинай заранее. Я ничего такого не сказал.

Мы попрощались.

Я пошла в спальню и открыла шкаф.

Часть зимней одежды Вадима висела в дальнем отделении. Большое темное пальто, две куртки, несколько теплых свитеров.

Я достала их и аккуратно сложила на кровать.

Свитер из темно-зеленой шерсти я покупала ему сама.

Мы тогда были в торговом центре перед Новым годом. Вадим терпеть не мог ходить по магазинам, но согласился, потому что Марку нужны были ботинки.

Свитер ему понравился сразу.

Он даже сказал, что я лучше него самого знаю, какие цвета ему подходят.

Раньше такое воспоминание заставило бы меня улыбнуться.

Сегодня я просто сложила свитер пополам.

К приезду мужа все было готово.

Он появился ровно через полчаса.

В руках держал небольшой пакет из ювелирного магазина.

Я заметила его сразу.

Но ничего не сказала.

— Привет, — произнес Вадим, входя.

— Привет.

Он оглядел прихожую.

— Марк еще не вернулся?

— Нет.

— Хорошо.

Я указала на большую сумку возле шкафа.

— Вещи там. Проверь, ничего ли не забыла.

Вадим не подошел к сумке.

Вместо этого протянул мне пакет.

— Это тебе.

Я посмотрела на него.

— Что это?

— Открой.

— Вадим...

— Просто посмотри.

Он улыбнулся.

Так, как улыбался раньше, когда устраивал мне сюрпризы.

Я взяла пакет.

Внутри лежала небольшая темно-синяя коробочка.

Я открыла ее.

На светлой подкладке находилась подвеска из белого золота с небольшим сапфиром.

Я сразу узнала украшение.

Мы видели его весной в витрине одного магазина.

Тогда Марк выбирал подарок однокласснице на день рождения. Мы с Вадимом стояли возле ювелирного отдела, пока сын метался между магазином канцелярии и отделом сувениров.

Я заметила подвеску.

Простую, без сложного узора. Небольшой темно-синий камень на тонкой цепочке.

Она мне понравилась.

Но я посмотрела на цену и решила, что покупать ее без повода неразумно.

Вадим спросил тогда, хочу ли я примерить.

Я отказалась.

Он не настаивал.

И вот теперь украшение лежало передо мной.

— Ты помнишь? — спросила я.

— Конечно.

Вадим выглядел довольным.

— Я же видел, как она тебе понравилась.

Я осторожно провела пальцем по краю коробочки.

Это было красивое украшение.

И муж действительно запомнил, что я его хотела.

На мгновение мне стало так грустно, что пришлось опустить глаза.

Он помнил подвеску, знал, какие груши я люблю, какая температура воды мне нравится в душе и запах какого парфюма я не переношу.

Но почему-то считал, что может месяцами встречаться с другой женщиной, а потом предложить мне сохранить нашу семью.

— Спасибо, — сказала я.

Вадим улыбнулся шире.

— Примеришь?

Я закрыла коробочку.

Улыбка исчезла.

— Нет.

— Почему?

— Я не могу это принять.

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Таня, только не надо.

— Что не надо?

— Начинать разговор о том, что я пытаюсь тебя купить.

Я почувствовала раздражение.

— Я еще ничего не сказала.

— Но я же вижу.

— Тогда зачем ты принес подарок?

Вадим поставил пакет на тумбочку.

— Потому что хотел сделать тебе приятное.

— Сейчас?

— А когда, по-твоему, нужно делать приятное жене?

Я посмотрела на него.

— Вадим, мы разводимся.

— Мы еще не развелись.

— Я подала заявление.

— И что теперь? Мне нельзя подарить тебе украшение?

Я несколько секунд молчала.

— Можно. Только я имею право его не принять.

Муж посмотрел на коробочку.

— Ты ведь сама хотела эту подвеску.

— Хотела.

— Тогда в чем проблема?

Я не сразу нашла ответ.

Дело было не в подвеске, не в ее цене и даже не в том, что муж вспомнил о ней сейчас.

Я вполне могла поверить, что он хотел порадовать меня. Он действительно иногда делал хорошие подарки без повода.

Но сейчас за украшением стояло ожидание.

Вадим хотел, чтобы я улыбнулась, поблагодарила, позволила ему застегнуть цепочку.
А потом, возможно, перестала говорить о разводе.

— Я не хочу, чтобы этот подарок заменил разговор, — сказала я.

Он отвернулся.

— Опять ты все усложняешь.

— Не думаю.

— Таня, я старался.

— Вижу.

— Тогда почему не можешь просто сказать спасибо и порадоваться?

Я посмотрела на него.

— Потому что мне сейчас не радостно.

Вадим опустил на банкетку.

Несколько секунд он сидел молча.

Потом произнес:

— Я уже не знаю, как к тебе подступиться.

Мне стало его жаль.

Это чувство появилось неожиданно.

Не такое, как раньше, когда он приезжал уставший после службы и я могла часами слушать, что ему пришлось пережить.

Теперь жалость была другой.

Передо мной сидел человек, который, похоже, не знал, что делать, если дорогой подарок не решает проблему.

— Вадим, — сказала я мягче, — ты можешь забрать свои вещи. Можешь общаться с Марком, помогать ему, проводить с ним время. Мы можем спокойно решать вопросы с квартирой и документами.

Он поднял глаза.

— А остальное?

— Остального больше не будет.

Муж помолчал.

Потом посмотрел на пакет.

— Значит, даже подарок не возьмешь?

— Нет.

Он усмехнулся.

— Раньше ты не была такой принципиальной.

Я не ответила.

Вадим встал, взял коробочку и положил обратно в пакет.

Потом прошел в спальню.

Я осталась в прихожей.

Через несколько минут он вернулся с сумкой.

— Все собрала? — спросил он.

— Проверь.

Он открыл молнию, посмотрел внутрь.

— Где черная куртка?

— В шкафу, внизу. Я не знала, нужна ли она сейчас.

Вадим прошел за курткой.

Вернувшись, он остановился возле двери.

— Таня, я ведь не враг тебе.

Я посмотрела на него.

— Я и не считаю тебя врагом.

— Тогда почему ведешь себя так, будто я совершил что-то непоправимое?

Мне захотелось ответить резко.

Но вместо этого я спросила:

— Ты до сих пор встречаешься с Ксенией?

Вадим отвел глаза.

Вот и ответ.

— Не надо, — сказала я. — Не надо приносить подарки и одновременно ждать, что я перестану задавать этот вопрос.

Он покачал головой.

— Ты специально делаешь все, чтобы мне было неприятно.

Я открыла дверь.

— До свидания, Вадим.

Он взял сумку.

Уже на пороге остановился.

— В субботу Марк собирается ко мне?

— Он говорил, что хочет встретиться. Договоритесь между собой о времени.

— Ты не будешь против?

— Нет.

Муж кивнул.

Потом ушел.

Я закрыла дверь.

Несколько минут стояла в прихожей.

Мне хотелось заплакать.

Не из-за потери подвески.

Из-за того, что еще весной я могла радоваться вниманию мужа, не задаваясь вопросом, чего он ждет взамен.

Суббота началась с того, что Марк разбудил меня в половине девятого.

— Мам, ты спишь?

Я открыла глаза.

— Уже нет.

— Папа написал.

Я посмотрела на сына.

Он стоял в дверях спальни в спортивных штанах и футболке. Волосы торчали во все стороны.

— Что написал?

— Предлагает в двенадцать пообедать в городе. Потом можем сходить посмотреть новые комплекты.

— Ты хочешь?

Марк пожал плечами.

— Наверное.

— Тогда сходи.

Он замялся.

— А ты?

— А я что?

— Тебе нормально будет?

Я села на кровати.

— Марк, мы же договорились. Ты можешь встречаться с папой.

— Просто он сказал, что мы давно нормально не проводили время.

— Это правда.
— И что ты не против.
Я посмотрела на него.
— Да, не против.
Сын немного расслабился.
— Тогда я ему отвечу.
Он уже собирался уходить, но остановился.
— Мам?
— Да?
— А ты почему вчера плакала?
Я замерла.
Не думала, что он заметил.
После ухода Вадима я действительно несколько минут сидела на кухне и плакала.
Тихо, не сумев удержаться.
Потом умылась, приготовила ужин и встретила Марка как обычно.
— Ты видел? — спросила я.
— У тебя глаза были красные.
Мне захотелось сказать, что это от усталости.
Но я вспомнила наш разговор о правде.
— Мне было грустно, — ответила я.
Марк посмотрел на меня внимательно.
— Из-за папы?
— Да.
Он кивнул.
— Понятно.
Я протянула руку и поправила складку на его футболке.
Он не отстранился.
— Но это не значит, что тебе нельзя с ним встречаться.
Марк немного подумал.
— А если он снова попросит меня что-то не рассказывать?
Я опустила руку.
— Ты можешь сказать, что не хочешь хранить секреты, из-за которых тебе приходится врать.
— А если он обидится?
— Это будет неприятно. Но ты не обязан соглашаться только для того, чтобы взрослый человек не обиделся.
Он нахмурился.
— Ты так легко говоришь.
Я улыбнулась.
— Мне тоже не всегда легко.
Марк посмотрел на меня еще несколько секунд.
Потом неожиданно спросил:
— Папа тебе подарок привозил?
Я удивилась.
— Откуда знаешь?
— Видел у него пакет. Он вчера заезжал ко мне перед тем, как идти к тебе.
Я помолчала.
— Да. Привозил.
— Красивый?

— Очень.

— А ты не взяла?

— Нет.

Марк опустил глаза.

— Он со мной тоже иногда так делает.

Я насторожилась.

— Как?

— Ну, когда обещает что-то, потом не получается, а он покупает какую-нибудь вещь.

— Например?

— Помнишь, он должен был прийти на нашу выставку в прошлом году?

Я вспомнила.

Вадим тогда действительно обещал приехать, но в последний момент сообщил, что занят.

Марк весь день спрашивал, успеет ли отец.

Вечером тот привез дорогой набор для робототехники.

Мы еще радовались, что сын перестал расстраиваться.

— Помню, — сказала я.

Марк пожал плечами.

— Набор был классный. Но я хотел, чтобы он посмотрел, что мы сделали.

Я посмотрела на сына.

И неожиданно поняла, что мы оба иногда получали от Вадима вещи вместо того, о чем просили.

Не всегда.

Он действительно умел быть внимательным.

Мог часами заниматься с Марком, если увлекался его идеей.

Мог приготовить мне ужин, когда я болела.

Но в ситуациях, когда ему нужно было признать собственную ошибку, подарок оказывался гораздо удобнее разговора.

— Ты говорил ему об этом? — спросила я.

— Нет. Зачем?

Я не стала отвечать сразу.

— Может, когда-нибудь стоит сказать.

Марк пожал плечами.

— Посмотрим.

Потом направился к двери.

— Ладно, я папе напишу.

— Хорошо.

— И можно я после обеда к Илье?

— Если договоритесь заранее.

— Договоримся.

Он ушел.

Я осталась сидеть на кровати.

Вчера мне казалось, что отказ от подарка был только моим делом.

Сегодня выяснилось, что сын давно замечал ту же привычку отца.

Просто называл ее по-другому.

После ухода Марка я занялась квартирой.

Постирала постельное белье, разобрала документы, выбросила несколько просроченных продуктов.

В шкафу обнаружила старую спортивную сумку Вадима.

Открыла.

Внутри лежали перчатки, упаковка пластырей, запасные носки и маленький фонарик.

Когда-то муж говорил, что в машине всегда должен быть набор необходимых вещей.

Я улыбнулась.

Он мог забыть, где лежит его рубашка, но всегда помнил, какие батарейки нужны для фонарика.

Я закрыла сумку и убрала ее в шкаф.

В обед позвонила Инна.

— Ты сегодня дома?

— Да.

— Марк с Вадимом?

— Уехал обедать.

— И как ты?

— Нормально.

— Только не говори это таким голосом.

Я усмехнулась.

— Каким?

— Таким, будто читаешь прогноз погоды во время урагана.

— Инна, у меня все действительно нормально.

— Хорошо. Тогда рассказывай, что нового.

Я рассказала про подарок.

Подруга молчала почти до конца.

Потом спросила:

— Красивый?

— Очень.

— Вот ведь зараза.

Я рассмеялась.

— Ты могла бы выразиться приличнее.

— Могла бы. Но не хочу.

— Он действительно помнил, что я хотела эту подвеску.

— И что?

— Ничего. Просто помнил.

Инна вздохнула.

— Таня, ты сейчас пытаешься доказать мне, что он не всегда был плохим мужем?

Я задумалась.

— Наверное.

— Я и не считаю, что он всегда был плохим. Ты прожила с ним семнадцать лет. Очевидно, там было достаточно хорошего, иначе ты бы не вышла за него замуж.

— Вот именно.

— Но это не отменяет того, что происходит сейчас.

Я присела на край дивана.

— Знаю.

Инна помолчала.

— Слушай, а ты можешь хотя бы один день не думать о нем?

Я посмотрела на список дел, лежавший на столе.

— Не уверена.

— Тогда начни с двух часов.

— Что предлагаешь?

— Приезжай вечером. Посидим, закажем еду, посмотрим какой-нибудь совершенно глупый фильм.

Я улыбнулась.

— Звучит заманчиво.

— И никаких разговоров о генерале. Я даже телефон у тебя заберу.

— Ты не сможешь продержаться и двадцати минут.

— Почему?

— Потому что сама начнешь спрашивать.

Инна рассмеялась.

— Ладно, возможно. Но попробовать стоит.

Я согласилась.

Мы договорились встретиться вечером, когда Марк вернется от Ильи.

После разговора я открыла ноутбук и закончила небольшой перевод.

А потом впервые за неделю позволила себе просто посидеть на диване с книгой.

Не искать документы.

Не читать юридические статьи.

Не проверять, написал ли Вадим.

Просто читать.

И это оказалось неожиданно трудно.

В понедельник после обеда Марк сообщил, что им нужно остаться на робототехнике дольше обычного.

— Нас Елена Петровна попросила проверить все настройки перед демонстрацией, — объяснил он.

— Во сколько закончите?

— В шесть. Может, чуть раньше.

— Тогда я приеду к шести.

— Мам, там папа Ильи тоже будет.

— Хорошо.

Сын посмотрел на меня.

— Ты не против?

Я удивилась.

— Почему я должна быть против?

— Ну, он же тоже папа.

Я улыбнулась.

— Марк, то, что мы с твоим отцом разводимся, не означает, что я теперь против всех отцов.

Сын хмыкнул.

— Ладно.

Он ушел собирать рюкзак.

Я вернулась к работе.

В пять сорок закончила проверку файла, отправила письмо заказчику и закрыла компьютер.

Потом подошла к зеркалу.

На мне были черные брюки и светлый тонкий джемпер. Волосы я распустила, но они немного спутались у воротника.

Я расчесала их.

Достала помаду и на секунду задержалась перед зеркалом. Ничего особенного: обычная женщина собиралась забрать сына из кружка. Я накрасила губы.

Почему-то мне захотелось выглядеть хорошо.
Мне не нужен был для этого особый повод.
На улице было прохладно.
Я надела пальто, взяла ключи и вышла.
В школе пахло мокрой одеждой и краской.
Возле кабинета робототехники стояли два мальчика из младшей группы и обсуждали сломанную деталь.
Из открытой двери доносились голоса Марка и Ильи.
— Я же говорил, что нужно перепроверить!
— Ты сам вчера сказал, что все работает!
— Потому что вчера работало!
Я улыбнулась.
Ничего не менялось.
В кабинете Алексей Седов стоял возле рабочего стола и изучал распечатанную схему.
На нем была темно-серая рубашка, рукава закатаны до локтей.
Рядом лежал небольшой набор инструментов.
— Добрый вечер, — сказала я.
Он поднял голову.
— Татьяна, здравствуйте.
Алексей улыбнулся.
Я неожиданно почувствовала, что рада его видеть.
— Как успехи? — спросила я.
Он посмотрел на мальчиков.
— Успехи есть. Но они пока не договорились, кто за них отвечает.
Марк возмутился:
— Мы договорились!
— Конечно, — спокойно ответил Алексей. — Именно поэтому вы сейчас спорите уже двадцать минут.
Илья закатил глаза.
— Пап, ну не начинай.
— Я еще даже не начал.
Я подошла к столу.
Модель заметно изменилась.
Створки теперь двигались плавнее, вокруг датчиков появились аккуратные крепления, а провода были собраны в несколько жгутов.
— Красиво получилось, — сказала я.
Марк сразу оживился.
— Мам, смотри!
Он нажал кнопку.
Створки разошлись.
Потом начали закрываться.
Марк поставил между ними небольшую коробку.
Обе створки остановились.
— Видела?
— Видела. Теперь работает.
— Почти, — поправил Алексей.
Илья недовольно посмотрел на отца.
— Пап!
— Что?

— Не надо каждый раз говорить «почти».

— Тогда не рассказывайте, что устройство полностью готово, пока оно иногда не реагирует на кнопку.

Марк вздохнул.

— Это мы исправим.

— Отлично. А теперь покажите, что уже исправили.

Мальчики снова принялись объяснять.

Я смотрела, как Алексей слушает их.

Он не пытался немедленно взять инструменты и показать, как нужно делать.

Задавал вопросы.

Иногда спорил.

Один раз даже признал, что предложенное Ильей решение лучше его первоначального варианта.

Марк от такого признания заметно выпрямился.

Елена Петровна подошла к нам с планшетом.

— Татьяна Сергеевна, вы могли бы подписать согласие на участие Марка в демонстрации? У нас в конце месяца будет небольшое городское мероприятие.

— Конечно.

Она показала мне документы.

Я внимательно прочитала.

Уточнила адрес и время.

Елена Петровна улыбнулась.

— Спасибо, что проверяете. Некоторые родители подписывают, даже не взглянув.

— Профессиональная привычка.

— Вы юрист?

— Переводчик.

— А, тогда понятно.

Я подписала.

Когда вернулась к столу, Алексей уже убирал инструменты.

Марк с Ильей продолжали обсуждать настройки.

— Они еще долго? — спросила я.

— Минут двадцать точно, — ответил Алексей. — Елена Петровна разрешила закончить проверку.

Я посмотрела на часы.

Без десяти шесть.

— Значит, подождем.

Алексей застегнул сумку.

— Здесь неподалеку есть кафе. Можно взять кофе и вернуться, пока они заняты.

Я посмотрела на него.

Предложение было совершенно обычным.

Мы оба приехали за детьми.

Оба ждали.

Но почему-то мне понадобилась секунда, чтобы ответить.

— А мальчики?

— С Еленой Петровной. Я уточню, когда их можно будет забрать.

Он подошел к руководителю кружка.

Они коротко поговорили.

Елена Петровна посмотрела на нас и кивнула.

— До половины седьмого они точно здесь. Только пусть потом все уберут за собой.

Алексей повернулся ко мне.

— Ну что?

Я улыбнулась.

— Пойдемте.

Кафе находилось через дорогу от школы.

Небольшое помещение с высокими окнами, деревянными столиками и витриной с выпечкой.

Внутри было тепло.

У стойки две девушки выбирали пирожные. За дальним столом мужчина работал за ноутбуком.

Алексей пропустил меня вперед.

— Что будете?

— Капучино.

— Десерт?

Я посмотрела на витрину.

— Наверное, нет.

— Уверены?

— Вы сейчас пытаетесь убедить меня съесть пирожное?

Он улыбнулся.

— Нет. Просто здесь хорошая выпечка. И если вы через десять минут захотите десерт, мне придется вставать второй раз.

Я рассмеялась.

— Тогда возьму маленький чизкейк.

— Разумное решение.

Он заказал себе черный кофе и большой сэндвич.

Мы сели у окна.

Некоторое время говорили о школьном мероприятии.

Алексей рассказал, что организаторы попросили предоставить дополнительные материалы по безопасности.

— Для школьной модели? — удивилась я.

— Да. Причем список требований составлен так, будто мальчики собираются устанавливать настоящие двери в торговом центре.

— Может, им прислали общий документ?

— Скорее всего. Только я потратил полчаса, пытаюсь понять, нужна ли там проверка на пожарную безопасность или достаточно указать, что конструкция питается от небольшого источника низкого напряжения.

Я улыбнулась.

— Бывает. Мне недавно прислали инструкцию к оборудованию с несколькими несоответствиями.

— И что сделали?

— Проверила ссылки и обозначения деталей. Потом запросила актуальную исходную документацию.

— Помогло?

— Оказалось, они отправили старую версию.

Алексей покачал головой.

— Знакомая история.

— Вы тоже с таким сталкиваетесь?

— Постоянно. Особенно когда документацию пишет человек, который уверен, что остальные должны понимать его с полуслова.

Я рассмеялась.

— О, это моя любимая категория авторов.

— Почему?

— Потому что после них работы больше всего.

Он улыбнулся.

— А вы вообще любите свою профессию?

Я задумалась.

Меня давно никто об этом не спрашивал.

Обычно интересовались, трудно ли переводить, сколько языков я знаю и могу ли сразу перевести незнакомую фразу из фильма.

— Люблю, — ответила я. — Особенно когда работа действительно требует разобраться в предмете.

— А когда не требует?

— Тогда скучаю.

— Получается, чем сложнее документ, тем вам интереснее?

— Не всегда. Иногда сложный текст просто плохо написан.

Алексей кивнул.

— С этим трудно спорить.

— А вы работаете из дома?

— Да.

— Удобно?

— По-разному. Не нужно ездить в офис. Можно самой распределять время. Но некоторые люди считают, что если я дома, то всегда свободна.

Он улыбнулся.

— Знакомо. У нас часть сотрудников работает удаленно. Их постоянно пытаются приглашать на совещания в любое время.

— Вот именно.

— И вы соглашаетесь?

Я посмотрела на него.

— Раньше чаще, чем следовало.

Алексей не стал уточнять.

— Я тоже долго учился отказываться от ненужных встреч, — сказал он. — Сначала казалось, что если не присутствую на каждом обсуждении, то что-нибудь обязательно пойдет не так.

— А потом?

— Потом понял, что половина обсуждений проходит одинаково и без меня.

Я засмеялась.

— Очень полезный навык.

Он улыбнулся.

— С переменным успехом.

Принесли кофе.

Я пододвинула чашку и сделала небольшой глоток.

Напиток оказался слишком горячим.

Я поставила чашку обратно.

Алексей заметил.

— Обожглись?

— Немного.

— Я всегда забываю, что здесь кофе подают почти кипящим.

— Тогда почему продолжаете сюда ходить?

— Потому что у них хороший сэндвич.

Я посмотрела на его тарелку.

— Действительно настолько хороший?

— Хотите попробовать?

Он подвинул тарелку.

Я покачала головой.

— Нет, спасибо. У меня чизкейк.

— Хороший выбор.

Я улыбнулась.

Некоторое время мы спокойно ели молча.

Я смотрела в окно на мокрую улицу и думала, как давно не сидела с мужчиной в кафе без необходимости обсуждать какую-нибудь проблему.

С Вадимом мы тоже раньше ходили куда-то вдвоем.

Но в последние годы все чаще выбирались в ресторан по поводу.

День рождения, встреча с друзьями, чей-нибудь юбилей.

Иногда деловой ужин, на который муж просил меня пойти с ним.

Обычная чашка кофе без повода постепенно исчезла из нашей жизни.

Я отложила вилку.

Алексей посмотрел на меня.

— Что-то случилось?

— Нет. Просто задумалась.

— О работе?

— Не совсем.

Он кивнул.

Не стал спрашивать.

Мне это понравилось.

Через некоторое время он заговорил о поездке с Ильей на соревнования.

Рассказывал, как они перепутали адреса двух школ с одинаковыми названиями и приехали в совершенно другой конец города.

— Илья потом неделю напоминал мне, что я главный инженер, а не могу правильно открыть карту.

Я рассмеялась.

— А вы что ответили?

— Что главный инженер не обязан быть главным штурманом.

— Убедили?

— Нет. Он до сих пор считает, что я должен был заранее проверить маршрут.

Я улыбнулась.

— Вообще-то он прав.

Алексей посмотрел на меня с притворным возмущением.

— Вы тоже на его стороне?

— В этом вопросе да.

— Прекрасно. Теперь мне придется выслушивать это еще и от вас.

Мы рассмеялись.

И я вдруг заметила, что перестала думать о том, как выгляжу.

Не поправляла волосы.

Не выбирала заранее каждую фразу.

Просто разговаривала.

— Можно задать вам личный вопрос? — спросил Алексей, когда мы почти допили кофе.
Я подняла глаза.

— Смотря какой.

Он помолчал.

— У вас с Вадимом все в порядке?

Я почувствовала, как напряглась.

Алексей заметил это сразу.

— Простите. Если не хотите отвечать, не нужно.

Я посмотрела в окно.

На противоположной стороне улицы женщина пыталась открыть большой зонт. Ветер вывернул его, и ей пришлось зайти под козырек магазина.

Я могла сказать, что это не его дело.

Могла ответить привычным «все нормально».

Но почему-то не захотела.

— Мы больше не живем вместе, — сказала я.

Алексей молчал.

— Я подала на развод.

Он немного помедлил.

— Понимаю.

Я усмехнулась.

— Не уверена, что это легко понять.

— Вы правы. Я не знаю всех обстоятельств.

Он не стал говорить, что ему очень жаль.

Не спросил, кто виноват.

И не попытался немедленно выяснить, чем может помочь.

Почему-то именно это подтолкнуло меня продолжить.

— Просто у нас оказался не тот брак, который я себе представляла.

Алексей посмотрел на меня внимательно.

— Такое бывает.

Я подняла глаза.

— Вы говорите как человек, который знает.

— Я разведен четыре года.

— Да, Марк рассказывал.

Он кивнул.

— Мы с Мариной довольно долго пытались сохранить отношения. Потом поняли, что живем вместе скорее по привычке.

— Илья тяжело переживал?

Алексей посмотрел на чашку.

— Очень. Ему тогда было десять. Сначала он делал вид, что ему все равно. Потом стал злиться на нас обоих.

— Как вы справились?

— Не сразу.

Он немного помолчал.

— Мы совершили достаточно ошибок. Например, пытались объяснить ему, почему развод — разумное решение. А ему было десять. Он не хотел слушать о разумных решениях. Хотел, чтобы мама и папа жили дома.

Я опустила глаза.

— Марк тоже сейчас переживает.

— Илья говорил, что они иногда ссорятся.

— Да.
— Но это не обязательно из-за развода. Они и раньше спорили.
Я улыбнулась.
— Особенно если дело касается датчиков.
— Особенно.
Он сделал глоток остывшего кофе.
— Знаете, я не уверен, что существует правильный способ объяснить ребенку такие перемены. Мы старались, но Илья все равно злился.
— И что помогло?
— Время. И то, что мы перестали обещать ему, будто ничего не изменится.
Я посмотрела на него.
— Почему?
— Потому что менялось многое. Он это видел. Когда мы говорили обратное, он переставал верить.
Я задумалась.
Вадим уже несколько раз повторил Марку, что все временно.
Что мы разберемся.
Что семья никуда не исчезнет.
Но сын видел пустое место отца за столом.
Знал, что тот живет отдельно.
И, кажется, понимал происходящее гораздо лучше, чем мы иногда предполагали.
— Вы сейчас меня жалеете? — спросила я.
Алексей удивился.
— Нет.
— Просто я не хочу, чтобы люди смотрели на меня как на женщину, у которой все плохо.
Он отложил ложку.
— Татьяна, я не знаю вас настолько хорошо, чтобы делать выводы о вашей жизни.
Я посмотрела на него.
Он продолжил:
— И не собираюсь. Вы сказали, что разводитесь. Я услышал. Если хотите поговорить, могу послушать. Если нет — можем обсуждать что-нибудь другое.
Я опустила глаза.
— Извините.
— За что?
— Не знаю. Наверное, за резкость.
Он улыбнулся.
— Ничего страшного.
Я провела пальцем по краю чашки.
— Просто в последнее время все стараются объяснить мне, что я должна чувствовать.
Алексей кивнул.
— Понимаю, почему это раздражает.
— Особенно когда объясняют люди, которые ничего не знают.
— Тогда договоримся, что я не буду объяснять.
Я улыбнулась.
— Спасибо.
Он посмотрел на часы.
— Нам скоро возвращаться к мальчикам.
Я тоже проверила время.
Шесть двадцать.

Пора было возвращаться.
— Да, — сказала я. — Они уже, наверное, закончили.
Алексей поднялся.
Я потянулась за сумкой.
Он неожиданно спросил:
— Татьяна, можно еще один вопрос?
Я посмотрела на него.
— Попробуйте.
Он улыбнулся.
— Вы всегда так осторожно разрешаете задавать вопросы?
— В последнее время — да.
— Тогда буду учитывать.
Мы вышли из кафе.
На улице похолодало.
Я застегнула пальто, но шарф оставила в сумке.
Алексей шел рядом.
Возле пешеходного перехода мы остановились на красный сигнал.
Он посмотрел на меня.
— Мне сегодня было приятно с вами поговорить.
Я улыбнулась.
— Мне тоже.
— Не только о мальчиках.
Я подняла глаза.
Он смотрел прямо на меня.
Не слишком настойчиво.
Но и не пытался сделать вид, будто ничего особенного не сказал.
Я почувствовала неожиданное волнение.
— Да, — ответила я. — Мне тоже понравилось.
Загорелся зеленый.
Мы перешли улицу.
У школьного входа Алексей придержал дверь.
— Тогда, может быть, как-нибудь повторим?
Я остановилась.
— Кофе?
— Например. Или ужин.
Он улыбнулся.
— Без роботов, датчиков и технических инструкций.
Я рассмеялась.
— Это довольно серьезное ограничение.
— Думаю, справимся.
Несколько секунд мы стояли возле двери.
Я вдруг поняла, что не знаю, как ответить.
Еще недавно я считала себя замужней женщиной.
Формально оставалась ею и сейчас.
У меня был сын, общий с Вадимом дом, документы в суде и впереди множество неприятных разговоров.
Алексей не был частью этих проблем.
Он просто предложил встретиться.
И мне хотелось согласиться.

Это желание оказалось неожиданно сильным.

— Я пока не знаю, — сказала я.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Просто у меня сейчас...

Я замолчала.

Не хотелось объяснять всю свою жизнь несколькими фразами.

Алексей не стал требовать продолжения.

— Не торопитесь, — сказал он. — Я никуда вас не записываю.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

— Номер у вас есть. Если захотите встретиться, напишите.

Мы вошли в школу.

Марк и Илья уже собирали свои вещи.

— Мам! — позвал сын. — Мы почти все сделали!

Я подошла к нему.

— Отлично.

Илья посмотрел на отца.

— Пап, мы завтра можем проверить еще одну настройку?

Алексей вздохнул.

— Завтра у меня работа.

— Ну вечером!

— Илья, давай сначала посмотрим, что вы сегодня успели.

Марк начал доставать из рюкзака планшет.

Я смотрела на них и улыбалась.

Еще полчаса назад я не думала ни о каком свидании.

А теперь пыталась не смотреть слишком часто на Алексея.

Домой мы вернулись около восьми.

Марк всю дорогу рассказывал о проекте.

Показывал фотографии, объяснял, как они изменили расположение датчиков, и возмущался, что Илья опять хотел сделать все по-своему.

Я слушала и иногда задавала вопросы.

Но часть моих мыслей оставалась в том маленьком кафе у школы.

— Мам, ты слышишь? — спросил Марк.

Я повернулась.

— Да.

— Что я сказал?

Я задумалась.

— Что вы изменили настройки.

Он закатил глаза.

— Это было пять минут назад.

— Прости. Повтори.

Марк посмотрел на меня с подозрением.

— Ты какая-то странная.

— Почему?

— Улыбаешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.